

**Страх и надежда в романсе А.С. Даргомыжского
«Старый капрал» и в рукописи А.И. Хатова
«О воинской дисциплине»**

Воинская дисциплина и высокое классическое музыкальное искусство выдающегося композитора XIX в. — может ли быть между ними что-либо общее? Ответ однозначно утвердителен, если побудительный мотив, родивший сюжет романса, пусть и во французской армии времен Реставрации династии Бурбонов описывает воинское преступление, которое во все времена и во всех армиях мира было наказуемо. Впервые в европейской военной науке, задолго до написания романса, военным топографом Александром Ильичем Хатовым были обозначены цели и сущностные задачи воинской дисциплины (см. прил.). Представляется правомерным рассмотреть шедевр мировой классики с этой точки зрения, хотя бы и потому, что момент написания рукописи (1815—1819 гг.) и описываемая трагедия относятся к одной исторической эпохе. Автор рукописи убедительно доказал, что утрата твердой воинской дисциплины в рядах Великой армии Наполеона явилась основной причиной краха его замыслов, а методы и средства воспитания подчиненных еще долго пагубно сказывались на судьбах бывших «старых капралов».

В творческом наследии известного русского композитора А.С. Даргомыжского (1813—1869 гг.), видного представителя музыкального объединения «Могучая кучка», существует романс, который знает не только каждый любитель классики, но практически каждый историк Отечественной войны 1812 года. Это драматическая песня «Старый капрал» на слова Беранже в переводе Курочкина. Синтез монолога и драматической сцены в интерпретации выдающегося мирового баса Ф.И. Шаляпина (наиболее знаменитое исполнение данного романса певцами XX в.) затрагивают у слушателя самые сокровенные струны души, никого не оставляя равнодушным. Музыковедам это произведение интересно как новая форма куплетной песни с припевом в ритме марша, историков привлекает сюжет. Герой произведения - старый солдат, некогда участвовавший под предводительством Наполеона в войне 1812 года, в годы правления династии Бурбонов, искоренявших всякую память об императоре, вступает в конфликт с молодым офицером, позволившим негативные высказывания о некогда всесильном «покорителе Вселенной». В результате, старый капрал руководит собственным расстрелом. "Но военного человека очень может заинтересовать текст второго куплета:

Я оскорбил офицера,
молод и он, оскорблять,
старых солдат.
Для примера — должно меня расстрелять.
Выпил я, кровь заиграла,
Дерзкие слышу слова.
Тень Императора встала.

Внимательно изучив его, можно без труда выявить факт оскорбления военнослужащим, находящимся при исполнении служебных обязанностей, да еще и в состоянии алкогольного опьянения! Но великая сила искусства А.С. Даргомыжского, воплощенная неповторимым исполнительским талантом Ф.И. Шаляпина, рождает у слушателей свойственную россиянам черту — сострадание к убогим, побежденным и всякого рода жертвам несправедливости. Интрига романса заключается в банальной уголовщине, которую не заметили ни музыковеды, ни историки! Завороженные мелодией и голосом великого баса, слушателям совершенно не приходит в голову тот факт, что за несколько лет до собственного расстрела старый капрал лихо завоевал десять стран Европы, что во главе с «десятирогим Люцифером» — императором Наполеоном грабежом, пожарами, разрушением церквей, сел и городов, в нарушение всех существовавших обычаев ведения войны, обрушился в 1812 г. на Россию. Наполеон обещал старому капралу легкую добычу и обогащение. Посеянное Наполеоном в душе капрала зернышко надежды на будущее богатство, превратилось у него в слепую любовь и обожание узурпатора. Эта преданность сохранилась даже после свержения Наполеона. Потеряв всяческий страх, старый капрал идет на открытый конфликт с офицером, защищая прежде всего не честь самого императора, а ту свою надежду к обогащению, которую обещал ему в молодости этот возмутитель «спокойствия и тишины» в Европе.

В ныне действующем постановлении Пленума Верховного Суда РФ 1979 г. № 4 подчеркивается, что оскорбление представляет собой выраженную в неприличной форме отрицательную оценку личности потерпевшего, имеющую обобщенный характер и унижающую его честь и достоинство. Оскорбление — это специальный случай нарушений уставных взаимоотношений и характеризуется прямым умыслом, направленным на нарушение отношений подчиненностиⁱ. Подчиненность же определяется Уставом внутренней службы ВС РФ (УВС ВС РФ) и Дисциплинарным Уставом (ДУ ВС РФ). Именно последний нормативно-правовой документ и является предметом рассмотрения данной статьи.

В ноябре 2005 г. при разборе документов по военной топографии в Российской государственной библиотеке (РГБ) мной была обнаружена рукопись «О воинской дисциплине»ⁱⁱ, принадлежащая перу А.И. Хатова — выдающегося военного топографа. Он занимал должности начальника училища колонновожатых, генерал-квартирмейстера и дослужился до воинского звания генерала от инфантерии. Рукопись с карандашными пометами двух или трех лиц переплетена в красную кожу с золотой надписью: «О воинской дисциплине» (1815—1819 гг.), объемом 40 страниц формата А4 и разделена на четыре главы. Содержание рукописи поражает глубиной анализа, проведенного автором, который подводит читателя к выводу, что твердая воинская дисциплина, основанная на вере в Бога и верности своему государю, является залогом успешного существования любого государства.

Российская армия на момент начала войны с Наполеоном имела ряд базовых нормативно-правовых документов: «Учреждение для управления Большой Действующей Армией», «Об образовании Военного Министерства», «Руководство чиновникам дивизионного Генерал-штаба», «Устав воинский» 1804 г. и др. Структура и содержание последнего документа, созданного еще Петром I на основе шведского устава времен короля Густава-Адольфа, были существенно дополнены в XVIII—XIX вв. Большинство положений этих документов были заимствованы из иностранных армий.

Воинский устав той эпохи структурно подразделялся на три части: собственно Устав, Артикул воинский и Экзерции. Первая часть формулировала армейскую структуру и функциональные задачи должностных лиц; Артикул регламентировал нормы поведения военнослужащих в совершенно конкретных случаях с комментариями. Экзерции являли собой упражнения с оружием. Устав и Артикул, написанные в обобщающих формулировках не имел четких, кратких и недвусмысленных толкований этих норм морали, поведения и воинской части. Наказания же имели крайне ограниченный выбор: либо смерть, либо пожизненное заключение. Этот документ был создан на основе традиций написания законов, сложившихся еще со времен «Русской правды». Можно проиллюстрировать данное утверждение примерами. Так, в главе «двадесять первой» Уставаⁱⁱⁱ основной задачей генерал-квартирмейстера определена организация проведения рекогносцировок, а в помощь ему давалось два «генерал-лейтенанта-квартирмейстера, которые «должны чин свой по достоинству отправлять». Здесь видна совершенно неконкретная формулировка отношения подчиненности младшего к старшему. Воспитательная компонента Артикула, наоборот, ограничена конкретностью примеров: Артикул 177^{iv} предостерегает «от позорных и блядских песней достойно, и надобно всякому под наказанием удержаться»; Артикул 167^v в своей основе содержит гражданское уголовное начало, относящееся к гуманитарному праву: «Ежели кто женский пол, старую или молодую, замужнюю или холостую, в неприятельской или дружеской земле изнасилствует, и освидетельствуется, оному голову отсечь или вечно на галеру послать по силе дела».

К 1812 г., помимо вышеуказанных документов, существовали и различные наставления и руководства. Например, «Наставление господам пехотным офицерам» Воронцова, «Краткое наставление о съемке мест Геометрическим столиком, в пользу господ офицеров», «Полевая Фортификация в пользу господ офицеров» в переводе А.И. Хатова^{vi} и т.д. Но они относились либо к боевому использованию, либо к «порядку» (т. е. строевой подготовке) и к «экзерции» (т. е. к боевой подготовке) как составным вещам «начальной тактики». Последняя же включала в себя и третью составляющую — дисциплину, по которой на тот период времени опубликованных исследований и сочинений и в России, и за границей не имелось, не говоря уж о существовании дисциплинарного устава. Следовательно, военного топографа А.И. Хатова следует считать первым собирателем основных положений Дисциплинарного устава российской армии. Обладая незаурядным умом, он внес огромный вклад в разработку сущностных задач воинской дисциплины. Считая, что армию составляют обыкновенные люди,

по природе своей не терпящие принуждения, он видел, что основной задачей воинской дисциплины является создание из массы людей единого целого — армии.

Без дисциплины она вредна и опасна, прежде всего для своего народа. Такова одна из тез А.И. Хатова.

На примерах войн древних греков, римлян, европейских армий, истории российской армии со времен царя Алексея Михайловича и до нашествия Наполеона, автором была установлена прямая зависимость между моральным духом, воинской дисциплиной и боеспособностью армий. Впервые в европейской военной науке были кратко и ясно сформулированы сущность воинской дисциплины, ее основы и средства, которыми она достигается. Кроме того, в последней главе «О пользе, доставляемой строгой дисциплиной в земле неприятельской» (по объему составляющей половину рукописи и содержащей анализ поведения французских войск в России и российских войск во Франции) отражен ряд принципов и норм, установившихся обычаев ведения боевых действий, которые были нарушены французской армией. Невозможно отрицать того факта, что война 1812 года и зарубежные походы российской армии внесли конкретный вклад в формирование основ будущего Международного гуманитарного права. Некоторые аспекты взаимоотношений военнослужащих с гражданским населением на своей либо оккупированной территориях были уже юридически оформлены и в «Уставе воинском», и в наставлениях. Так, в суворовском «Разговоре с солдатом их языком» в главе 2 («Словесное поучение солдатам») писалось: «Обывателя не обижай, он нас поит и кормит; солдат не разбойник. Святая добыча! Возьми лагерь, все ваше. Возьми крепость, все ваше. В Измаиле, кроме иного, делили золото и серебро пригоршнями. Так и во многих местах - без приказа отнюдь не ходи на добычу!». Совершенно очевидно, что уже в то время военнослужащие обязаны были знать и неукоснительно соблюдать международные правила ведения боевых действий и правила обращения с гражданским населением^{vii}. Какие же права принадлежали армии-победительнице по Хатову? «Право победителя в земле неприятельской состоит: — в присвоении себе доходов завоеванной области; — в требовании содержания и продовольствия для армии, сколько страна доставлять может. Если же победитель хочет продолжать войну, то должен сберечь страну, в коей она происходит, помня при этом принцип: "Война должна питать войну". Для сего потребно: — обыватель обязан содержать постояльцев за плату; — запретить грабеж и самовластные требования офицеров и солдат; — покровительствовать земледельцам, ремесленникам, помещикам»^{viii}.

В то же время, если солдат «по приказанию начальства обагрется кровью, зажигает великолепные здания, разрушает памятники самим временем пощаженные, (то) наблюдает Воинскую Дисциплину и, следовательно, достоин награждения»^{ix}, — таковы были критерии оценки твердости воинской дисциплины в те времена.

Приведенный автором текст приказа Александра I по российской армии, обнародованного в конце 1813 г., не оставляет никаких сомнений, что имея в своей основе догматы Православной Веры, он способствовал поддержанию высочайшего уровня воинской дисциплины в войсках. Тот же эффект имел и аналогичный приказ М.Б. Баркляя де Толли в 1815 г., когда российская армия показала образец дисциплины всей просвещенной Европе. Более того, автор обоснованно предполагает катастрофические последствия для мирного населения всей Франции, если бы не присутствие православной российской армии, чей государь лично предотвратил разрушение Парижа обзленными союзниками. Например, Александр I, обогнав армию на несколько переходов, прискакал в Париж и не позволил взорвать Венский мост, построенный в честь победы Наполеона в 1806 г. Тексты приказа Александра I и М.Б. Баркляя де Толли явили собой образец гуманизма и человеколюбия в определении форм и способов ведения боевых действий на территории неприятеля.

Удивительно то, что практически все выводы автора, прямо или косвенно, нашли свое отражение в ст. ДУ ВС РФ 1993 г., УВС ВС РФ и др. Возьмем определение воинской дисциплины, сформулированное А.И. Хатовым: «Воинская дисциплина есть строгое выполнение всего того, что в уставах, воинских учреждениях и от начальников исполнять предписано»^x. Если принять во внимание, что устаревшее слово «учреждение» означает — «свод правил и законов», то можно видеть не только смысловую тождественность с определением воинской дисциплины, даваемой ДУ ВС РФ: «Воинская дисциплина есть строгое и точное соблюдение всеми военнослужащими порядка и правил, установленных законами, воинскими уставами и приказами командиров (начальников)»^{xi}. Хатовская формулировка очень похожа также и на фразу из Присяги 1993 г.: «Клянусь... соблюдать законы, строго выполнять требования уставов, приказы командиров и начальников». На момент написания

настоящей статьи «Военный словарь» давал такое же определение дисциплины: «Дисциплина — терм. Тактич. Слово Латинское, значит военное учение, то есть совершенное знание обязанности всех чинов в войске и каждого в особенности относительно подчиненности одного к другому»^{xii}. Здесь следует упомянуть о карандашной помете неизвестного лица на титульном листе рукописи с посвящением Александру I: «discipline— обучение, воспитание, при послушании, порядок» (возникает вопрос, кто осмелился начертать на титульном листе с посвящением самодержцу? Вероятно, это мог сделать либо сам император, либо граф А.А. Аракчеев).

Под воинской дисциплиной А. И. Хатов видит прежде всего «— чистоту нравов; — совершенное повиновение младшего чина старшему; — бдительность начальников над исполнением всех военных узаконений; — наказание приступившихся и награждение отличных»^{xiii}. Первые два критерия полностью соответствуют последним положениям ст. № 3 ДУ ВС РФ. Рассматривая солдата прежде всего как гражданина своего Отечества, он призывает добиваться осознания каждым солдатом своего высокого звания защитника веры и государя. Для сравнения можно привести начало ст. 2 ДУ ВС РФ: «Воинская дисциплина основывается на осознании каждым военнослужащим воинского долга и личной ответственности за защиту своего Отечества». По мнению автора, любое воинское звание — это «святилище и школа добрых нравов... подпора престола, блюститель общественного порядка и защита того народа, коего часть оно составляет». В противном случае армия будет иметь «состав для государства тягостный, бесполезный, а нередко даже и опасный»^{xiv}. Настоящий солдат, писал А.И. Хатов, должен иметь больше добродетелей и меньше пороков, нежели гражданский человек: «Роскошь, вино, сластолюбие — притупляют разум, изнуряют тело и ослабляют мужество». И автор назвал это «главнейшим неприятелем воинской дисциплины»^{xv} (карандашная помета «воздержание» на слове «сластолюбие» позволяет понять этот термин более точно).

В данном утверждении, как и во многих других, явно прослеживаются требования выполнения Божьих заповедей. И в целом воинская дисциплина в армии, по Хатову, имеет в своем базисе идеологическую основу — веру в Бога. В частности, идеологическую основу российской армии составляет православная вера. Не следует забывать и о том, что в многоконфессиональной стране наряду с полковыми священниками проходили службу и полковые муллы, и собственно православная вера была для россиян не идеологией, а образом жизни). Этот момент в рукописи является ключевым. В качестве примера был взят опыт воспитания своих военнослужащих блестящим европейским полководцем шведским королем Густавом-Адольфом (XVII в.), который добился небывалого сплочения своих войск в единое целое, личным примером показав всем образец выполнения Божьих заповедей и послушания. В результате армия короля Густава-Адольфа стала одной из боеспособнейших армий Европы. А.И. Хатов рассматривал идеологическую компоненту, т. е. есть религию, как определяющую в процессе создания эффективной армии. Задача идеологии заключается в формировании и поддержании «моральной и психологической готовности к защите Отечества»^{xvi}.

А.И. Хатов утверждал, что «воинская дисциплина может сделать солдат храбрыми, стойкими, послушными, но не может внушить им осознания того, что они люди и граждане, и должны иметь общественные добродетели»^{xvii}, которые может воспитать только вера в Бога. Потому что она «есть основание воинской дисциплины и один из важнейших предметов для полководца. Вера внушает святость присяги Государю и Знаменам»^{xviii}. Задачей полковых священников и являлось формирование моральной и психологической готовности к защите Отечества.

«Первое и главное правило воинской дисциплины - беспрекословное повиновение к повелениям начальства»^{xix}. Этот принцип единоначалия является фундаментом любой регулярной армии. «Единоначалие заключается в наделении командира (начальника) всей полнотой распорядительной власти к подчиненным», и в то же время «неповиновение... является воинским преступлением»^{xx}.

Любопытен приведенный пример генерал-майором А.В. Суворовым, который в 1773 г. вопреки приказам фельдмаршала Румянцева разбил турецкие войска и флот при Туртукае. За самоуправство он был лишен воинского звания и приговорен к смерти, но Екатерина II написала на докладе: «Победителей судить не должно». Но А.И. Хатов считал, что частные начальники являются только помощниками Главнокомандующего, который уже по-своему званию должен в совершенстве владеть стратегическим мышлением. Кроме того, частные

начальники не должны знать заранее замысла операции, «ибо то достоверно, что из 10 самовластных поступков, едва ли один бывает удачен...»^{xxi}. Случай с А.В. Суворовым явился редким исключением. Следует отметить, что все тезисы, приведенные в данной статье, подтверждены А.И. Хатовым фактическими примерами из истории войн.

Автор пришел к выводу, что «лучше начальствовать Армиею необученною, но слепо повинующеюся, нежели совершенно выученною, но без повиновения. Многочисленность и храбрость войск не могут заменить дисциплины»^{xxii}. Считая, что армию, соблюдающую воинскую дисциплину, можно победить, но нельзя уничтожить, поскольку она вскоре оправляется и становится боеспособной, А.И. Хатов доказывал, что армия же без воинской дисциплины почти всегда бывает уничтожена. Не вызывает сомнения и то, что утвержденный Уставом порядок службы менять в зависимости от смены командования категорически нельзя, ибо «человеческий разум не применяется к таким частым переменах, и от них всегда происходят: неудовольствие, отвращение к службе и беспорядок...»^{xxiii}.

Воинскую дисциплину легко ввести в новую армию, но очень трудно восстановить в войсках, в которых ослабили ее требования, это приводит к вседозволенности. Для предотвращения этого следует, чтобы законы воинской дисциплины были кратки и ясны, а в приговорах неотменяемы, несмотря на знатность и происхождение военнослужащих, справедливо считает А.И. Хатов. На протяжении длительного времени практически во всех армиях Европы процветали злоупотребления на почве знатности и происхождения, однако, по мнению автора, только в России они приобрели такой небывалый размах, что стали явной помехой существованию государства. Неотвратимость наказания за преступления любого военнослужащего, продвижение по служебной лестнице в соответствии с заслугами перед Отечеством и государем, а не за происхождение и «голубую кровь» — таковы цели воинской дисциплины, разработанные А.И. Хатовым. Именно поэтому «все военнослужащие независимо от воинского звания и должности равны перед законом»^{xxiv}.

Задаваясь вопросом, как же воспитать высоко дисциплинированных людей, автор выдвигает две категории: страх и надежду. «Понятие дисциплины противоречит страстям и желаниям людей. Ее можно утвердить страхом и надеждой. Страхом для того, чтобы не нарушали запрещений, ею сделанных, а надеждой, чтобы охотно исполняли ее предписания»^{xxv}. В процессе изучения нормативных документов той эпохи мне пришлось просмотреть «Руководство чиновникам дивизионного Генерал-Штаба»^{xxvi} 1812 г., где в главе 3, посвященной работе секретной части, даются рекомендации по набору шпионов в земле неприятельской: «...властолюбивых привлекать обещаниями лестными, робких угрозами, корыстолюбивых награждениями денежными. В залог же верности их можно забирать имение и семьи у тех, кои имеют оные. Одним словом, стараться пользоваться всеми слабостями в них замеченными, а без того никакой власти над ними иметь нельзя, и малейшего сведения получить от них невозможно, не приводя, кстати, в действие страх и надежду...». Вполне вероятно, что автором этой главы (а также главы, посвященной рекогносцировке) является генерал от инфантерии А.И. Хатов. Ведь совершенно нелогичным покажется, что в своей работе, преподнесенной самому государю-императору, автор бы употребил категории («страх и надежда»), взятые из нормативно-правового документа, опубликованного ранее. Только в том случае, если бы сам являлся автором этой идеи.

Трудовая дисциплина, технологическая и тому подобное регламентируют поведение работников, нарушение же установленных норм и правил приводит и к катастрофам, и к неоправданной гибели людей. А в воинской дисциплине, предназначенной для объединения людей в единое целое для решения задач по защите государства, выполнение этих норм обязательны. В любой регулярной армии, набранной по призыву или контракту, такого единства можно добиться лишь под угрозой наказания за невыполнение тех или иных требований Устава. Здесь уместно отметить, что в православной России, где подавляющее число военнослужащих были людьми верующими, категория «страх Божий», а вернее сказать, «попущения Божия», например, за нарушение присяги, была всем понятна. Но А.И. Хатов видел и другие рычаги воздействия на человеческую психику: честь, соревнование, слава. «В мирное время воинская дисциплина насаждается страхом, а в военное время - надеждой... Люди совестливые или презирающие смерть скорее могут быть управляемы стыдом, нежели страхом. Надежда есть главная побудительная причина всех человеческих деяний, а тем более, военных подвигов и карьеры»^{xxvii}. Следовательно, надо еще уметь и награждать — по заслугам и беспристрастно. Понятие «соревнование» было впервые введено фельдмаршалом Минихом

xxviii, когда военнослужащие аттестовались два раза в год. Главная цель — с помощью стимулирования добиться качественного освоения своих обязанностей и одновременно дать возможность карьерного роста отличившимся военнослужащим. Совершенно логично, что командир обязан «организовать состязание личного состава... в целях мобилизации военнослужащих на успешное выполнение задач»^{xxix}, а также «поощрять подчиненных за подвиги... усердие и отличие в службе и строго взыскивать с нерадивых»^{xxx}. А.И. Хатов утверждал, что огромную роль играет искусство награждений и наказаний: «Достоинства и заслуги не должны быть никогда оставлены без награждения, а проступки без наказания. В первом случае надлежит быть точным и справедливым, а во втором - неумолимым»^{xxxi}, - писал он. Наказания должны быть соразмерны преступлениям: «Жестокие наказания... ожесточают людей, нежели исправляют. Жестокие наказания за неважные преступления обеспечивают ненаказанность оных...»^{xxxii}.

Несомненно, что и «поощрения являются важным средством воспитания военнослужащих и укрепления воинской дисциплины»^{xxxiii}, а дисциплинарные взыскания в рамках дисциплинарной ответственности военнослужащих за нарушения норм морали, воинской дисциплины и воинской чести^{xxxiv} являются мерой принуждения^{xxxv}.

Говоря об офицерском корпусе, А.И. Хатов видит в нем стержень воинской дисциплины в армии. Солдаты не могут быть дисциплинированными, если офицеры - их командиры и начальники (по Хатову, командир — это, прежде всего, отец, строгий, но справедливый) — позволяют не придерживаться общепринятых норм поведения среди военнослужащих. Он писал: «Более всего надлежит стараться подчинить офицеров... они должны повиноваться законам воинской дисциплины без роптанья... Ибо солдат тогда разрывает узы дисциплины, когда офицер подает ему пример»^{xxxvi}. Ведь совершенно очевидно, что офицеры должны показывать «личный пример воспитанности, ревностного отношения к службе»^{xxxvii}. И здесь же уместно привести тезис, подкрепленный историческими примерами: «Начальники должны показывать пример умеренности своим подчиненным»^{xxxviii}.

Как было указано выше, дисциплина в военной теории той эпохи была «важной отраслью начальной Тактики»^{xxxix}, которая «внушает в войско истинно воинский дух». И здесь же: «Армия без дисциплины есть тело без души, от которой ничего ожидать не можно», справедливо полагает автор и видит истинно воинский дух « — в порядочной и добродетельной жизни; — в ревностном исполнении своей должности; — в совершенном повиновении своим начальникам»^{xl}. Последнее же является «первой воинской добродетелью», причем «повиновение должно наблюдаться от солдата до генерала»^{xli}. А.И. Хатов предложил офицерам следующие средства достижения высокого уровня воинской дисциплины: неусыпное смотрение за солдатом; частое с солдатом обращение; толкование солдату его обязанностей; сохранение здоровья солдат; благоразумная строгость^{xlii}. Благоразумная же строгость подразумевает: наказывать без малейших упущений, но по мере вины; награждать и отличать за похвальные дела; обходиться снисходительно и милостиво. В свою очередь, снисходительное и милостивое отношение к подчиненным, приводит к: неупустительному, но справедливому наказанию и воздержит солдата от преступления; награждение и отличие произведут соревнование, усердное исполнение своей должности и заставят любить свое звание; снисходительность уверит солдата в благородности его звания, а потому душа его возвысится^{xliii}.

А.И. Хатов обращал особое внимание на унтер-офицерский корпус, весьма важный и необходимый в процессе боевой подготовки: «Нужно иметь строгое смотрение за унтер-офицерами, которые, иногда ленясь иметь присмотр за рядовыми, хотят безрассудно жестокостью содержать их в порядке, и тем избавиться от труда, надзирать за их поступками»^{xliv}.

Не обошел вниманием автор и неоправданной жестокости некоторых начальников. Неоднократно А.И. Хатов писал, что командир — это отец для солдата. То есть подразумевается, что командир обязан воспитывать, любить и в то же время наказывать при необходимости. По сути, Хатов называет «жестокосердных начальников» преступниками, поскольку они «погрешают: — против человечества, так как с солдатом поступают бесчеловечно; — против Отечества, так как жестокостью отнимают здоровье у солдата, который есть член онаго и делают его неспособным к службе; — против Государя, вручившего начальнику солдата не для изнурения и истребления, а для службы Отечеству»^{xlv}. Совершенно

уместно в качестве примера привести приказ непосредственного начальника А.И. Хатова в течение длительного периода управляющего Свитой Его Императорского Величества по квартирмейстерской части генерал-квартирмейстера П.М. Волконского, отданного им еще в 1811 г.: «Отобрав от капитана Краузе казенного денщика Илью Гладилова, чинимые ему напрасные побои... Нахожу напомнить Господам Офицерам, чтоб они обходились как должно с определяемыми к ним для услуги казенными людьми; если, кто будет замечен в жестокости или непроизводении положенного содержания, от такового оный отберется и на место его никто к нему определен не будет»^{xlvi}.

В последней главе автор в форме очерка осветил события 1812—1815 гг., сделав акцент на морально-психологическое состояние неприятеля. Надежда, которую лелеяли войска Наполеона, заключалась в добыче, изъятой в форме элементарного грабежа. Это противоречило существовавшим уже тогда правилам ведения войны, но эта надежда на обогащение и привела к известному концу. Терпимость к грабежу была одним из сильнейших средств Наполеона, возбуждавших в солдатах храбрость надеждой к грабежу. Интересен пример, приведенный автором. В городе Пон-сюр-Сен был разграблен замок матери французского императора. Наполеон негодовал по этому поводу и поинтересовался, кто же из неприятельских корпусов произвел эти опустошения? В ответ он услышал, что собственная гвардия разбила все «мебели и зеркала». Наполеон вынужден был издать приказ: «Император изъявляет недовольство свое армии за беспорядки, коим она предается. Таковые... делаются величайшим преступлением, когда производятся в земле своей. Ответственность за сии безчинства возлагаются на корпусных начальников и прочих генералов. Жители везде бегут, и армия, долженствующая оборонять страну, становится бичем оной». Это красноречивое признание Наполеона является прямым свидетельством разбойничьего характера средств и методов ведения войны французской армией. По мнению А.И. Хатова, именно отсутствие воинской дисциплины в армии Наполеона и явилось основной причиной поражения Франции в войне с Россией в 1812-1815 гг.

Без сомнения, эта рукопись является новым источником о войне 1812 года, написанная высокообразованным офицером, обладавшим стратегическим уровнем мышления. По значимости данная работа соизмерима с выдающимися сочинениями историков войны 1812 года Михайловского-Данилевского, Богдановича, Бутурлина и др. Более того, не предназначавшаяся для печати, она явилась методическим пособием и отражает сущностные задачи воинской дисциплины, ее цели, методы и средства достижения. По сути, это автореферат диссертации, основы которой вошли в уставы российской армии. Показательно то, что в рукописи нигде не встречается слово «русский» — только «российская армия», «россияне». Этот факт характерен, впрочем, для периодической прессы первых двух десятилетий XIX в.

Выводы А. И. Хатова актуальны и сегодня, особенно в свете проблем, очерченных Русским православным собором (апрель 2006 г.). Почти насильственное навязывание Западом либеральных ценностей и возникшая в мире на их основе дисгармония между правами и свободами совершенно чужды многонациональной России с ее богатейшими православными традициями. Вера в Бога является залогом эффективной жизнеспособности армии и, следовательно, Российского государства. Таков основной вывод А.И. Хатова.

ПРИЛОЖЕНИЕ

А.И. Хатов

О воинской дисциплине*

Августейший Монарх!
Государь Всемилостивейший!

Сколько мне известно, ни на каком языке нет еще поучительного сочинения о Воинской Дисциплине, сей души Армии. Усердие к службе Вашему Императорскому Величеству побудило меня собрать правила дисциплины, пользу коих старался я доказать примерами извлеченными из Истории древних и новейших времен, особенно последней войны с Французами, столь прославившей победоносное оружие Вашего Императорского Величества и хорошее поведение войск Ваших. Повергая к освященным стопам Вашего Императорского Величества сей слабый труд мой, в свободные от должности часы предпринятый, счастлив буду, есть ли оный удостоится Всемилостивейшего принятия.

Всемилолюбивейший Государь!
Вашего Императорского Величества верноподданный Хатов 1-й
Квартирмейстерской части полковник.

О воинской Дисциплине — 1

Правила, на коих должна быть основана Дисциплина — 21

О средствах, служащих к введению Дисциплины - 56

О пользе, доставляемой строгою Дисциплиною в Земле неприятельской — 67

Орфография, стилистика и пунктуация сохранены.

(1). О воинской Дисциплине

Воинская Дисциплина, есть строгое соблюдение всего того, что в Уставах, воинских учреждениях и от начальников исполнять предписано. Воинское звание должно быть святилищем и школою добрых нравов, оно должно быть подпорою престола, блюстителем общественного порядка, одним словом украшением и защитою того народа, коего часть оно составляет. Таковы должны быть качества и предметы учреждения войска, в противном случае оно будет состав для государства тягостный, бесполезный, а не редко даже и опасный. Войско, есть огромное тело, составленное из великого множества людей, коих свойства столь же несходны, как и лица. Человек, по природе не терпящий принуждения, всегда старается свернуть с себя иго власти его связывающей, когда только надеется сделать, то без наказания, почему и должно беспрестанно возвращать его к той цели, от которой он хочет уклониться. Итак, чтобы сделать войско действительно полезным, учреждена Воинская Дисциплина, которую по справедливости можно назвать хранителем и душою онаго, ибо без порядка и благоустройства Армия существовать не может. Взглянув на войско наблюдающее строгую Дисциплину, кажется, что оно составлено только из людей храбрых и добродетельных; напротив того, Армия без Дисциплины походит на скопище гнусных убийц и разбойников. Такая Армия будет более вредна, нежели полезна, и страшнее для друзей своих, нежели для неприятеля. (3) В России, первое начало ко введению благоустройства в войсках положено было Царем Алексеем Михайловичем, который в 1645 году издал Воинский Устав и начал вводить регулярные войска столь хорошо утвержденных, что весьма удачно ведена была война с Польшею, Швециею. Суетные преимущества породы часто бывали вредны для общества, заграждая путь к возвышению людям с дарованиями, чрез то Отечество теряло полезнаго гражданина, Государь - сведущего чиновника и человек с познаниями лишен был средств к приобретению себе почестей и славы, есть ли не был знатнаго рода. Во всех Землях существовало сие Злоупотребления, но нигде не было в такой силе, как в России. В старину у нас считалось постыдным для человека знатной породы зависеть от другого не столь знатнаго. Даже равнаго состояния люди поставляли за безчестие находится в подчиненности один от другаго, в таком случае, если предки назначеннаго начальником, были прежде в зависимости от предков подчиняемаго. От того происходили всегдашние споры о преимуществе, которые влекли за собою бесконечные тяжбы и решимы бывали приговорами суда называвшегося Разрядом. Знатные фамилии, для большаго обезпечения преимуществ своих, брали выписки из дел разрядных о их роде; от чего и произошли Разрядные книги.

Царь Алексей Михайлович намерен был прекратить сие местничество, но смерть в том ему воспрепятствовала. Наследник его Федор Алексеевич, старший брат Петра 1-го, вступив на престол, вскоре усмотрел, сколь вредны для Государства таковые фамильные ссоры, наипаче для военной службы; ибо часто случалось, что полезные и опытные чиновники выходили в отставку единственно для того, чтобы избежать зависимости от такога начальника, коего предки подчинены, бывали их предкам; а чрез то нередко терялись плоды целой Кампании. Царь, побуждаемый сими причинами вознамерился вдруг уничтожить все родовые преимущества, знатных и отдавать кому-либо предпочтение пред другим не иначе, как по действительным заслугам. На сей конец, повелел Он в 1682 году собрать разрядные книги знатнейших фамилий, под предлогом пополнения оных. Потом, созвал Государственный совет из знатнейшего духовенства и бояр, объяснил им злоупотребления, остановки в делах и распри происходящие от сих пустых споров о преимуществе и с общего согласия всех советников повелел сжечь не только разрядные книги дворян, но и все дела разряда.

Таким образом, сделан был в России первый шаг к чиновничеству, но вредное местничество все еще оставалось в полной силе. Во время малолетства Петра 1-го, Царевна

Софья управляла государством, при ней Войски вместо таго чтобы сделать новья успехи пришли в совершенный упадок: так что не только против регулярных войск не могли, но и против Турок стоять не могли; паче то доказывают под Чигирин, в Крыму и первый поход под Азов. Будучи еще в отроческих летах, Петр чувствовал уже то превосходство, которая хорошо устроенная Армия доставляет на войне пред необученною, и потому желая ввести благоустройство в Войски свои, положил он сему основание учредил роту из 50-ти боярских детей, под названием потешной под началом Лефорта. Чтобы показать боярам своим пример повиновения, Петр 1-й сам записался в потешную роту рядовым солдатом и даже был в звании барабанщика, стоял на часах в свою очередь, употреблял такую же пищу как и его товарищи, спал, одевался и таскал землю для постройки полевых окопов, нарвнне со всеми; Повиновался приказаниям Капитана Лефорта и с точностию соблюдал Дисциплину. Петр, весьма медленно прошел все нижние чины воинской службы, и в звании офицера явился, не прежде как в 1696 году, при торжественном шествии своем в Москву, при взятии Азова. Таким образом, Государь старался изкоренить ложный предрасудок, будто для человека знатной породы стыдно служить под начальством человека не столь знатнаго. Петр I чувствовал, что для уравниения сил своих с силами Европейских держав, надлежало ввести в России военный порядок, существовавший в Европе. Для чего уничтожил он мятежное стрелецкое войско, которое подобно турецким янычарам, хотело по воле своей разполагать престолом царей Российских. На место стрельцов набраны были новые полки по Европейски устроенный, причем Государь сделал строжайшее подтверждение, чтобы при производстве на вакансии Офицеров смотреть не на знатность породы, но на заслуги и старшинство в службе: При осаде Шлиссельбурга (в 1702) находился в звании Бомбардирскаго Капитана; в сражении при Полтаве (в 1709) разделял вместе с фельдмаршалом Шереметевым Главное начальство над Армиєю, в звании Полковника Гвардии; и уже после сего знаменитаго сражения, по прозьбе Генералов и Министров своих, принял звание Генерал-Лейтенанта на Армии и Контр-Адмирала во флоте. Равным образом и наследник престола Царевич Алексей Петрович начал службу свою в звании сержанта гвардии.. (11) Супруга Царевича — принцесса Шарлота София Вольфенбительская, увидя его во фронте наряду (10) с солдатами, залилась слезами, полагая, что он навлек на себя немилость своего родителя; но Петр Великий успокоил ее, сказав: «Я сам был солдатом. Военная служба необходимо требует такого порядка»; 2. Петр великий весьма любил внука своего. За преждевременное развитие разума его и основательный характер; часто при-судствовал при уроках ему даваемых и восхищался его прилежанием. Однажды, увидев у него на столе чертежи и модели фортификационные, потребовал объяснения оным. Великий князь (11) отвечал на все вопросы с такою точностию и остроумием, что Государь будучи крайне им доволен, тотчас произвел его в прапорщики Гвардии). 18-ти летняя упорная война с Карлом XII -м Королем Шведским, доставила Петру Великому частые случаи и верные средства к приучению новых войск своих не только к военному делу, но и к соблюдению дисциплины. Труды Его не остались тщетными, ибо в сию войну Россияне, вообще, обращались с большим человеколюбием, нежели сами Шведы, которые называли их варварами и почитали народом грубым и жестокосердным. При здаче Шведами Замка Митавского по 15-дневной осаде онаго, Россияне заметили, что Гробницы Герцогов Курляндских были ограблены и трупы их разбросаны. Опасаясь чтобы не сочли их виновниками сего святотатства, они отказались принять Церковь, пока Комендант — Шведский полковник Кнор-ринг дал им письменное свидетельство, что поругание сие учинено было его солдатами. Чтобы для каждого чина с точностию определить обязанности его по службе, Петр 1-й в 1716 году издал воинский Устав, самим им собранный и большею частию взятый из Шведского Устава Короля Густава-Адольфа. Сходно с сим Уставом введена в Российскую Армию строгая дисциплина, которая в правление Анны Иоанновны усовершенствована была фельдмаршалом Минихом.

(12) Дисциплина сия, основанная на чинопочитании с равною строгостию действовала, как на рядового солдата, так и ротного Командира. Миних разсудил, что можно разбудить в людях дух соревнования с такою же удобностию, с каковою отвращаются злоупотребления, или предупреждаются преступления. Надежнейшее для сего средство было признавать достоинство и награждать за отличие. Средство всегда действовало на сердце человеческое. На сей конец, Миних предписал все частным начальникам, чтобы наблюдали за поведением и способностями своих подчиненных, и в полугодовых списках означали хорошие и дурные свойства каждого. Списки сии разсматриваемы были при производстве офицеров на вакансии и при раздаче награждений, дабы не пали оныя на людей недостойных. (14) Для доставления Армии хороших

офицеров, по представлению Миниха, Императрица Анна Иоанновна учредила Сухопутный Шляхетский Кадетский Корпус (ныне, первый Кадетский Корпус) в коем молодые Дворяне обучаясь наукам необходимо нужным для человека посвятившему себя военному званию, в то же время на опыте познают и Воинскую Дисциплину, исправляя должность рядовых солдат и проходя нижние чины до выпуска своего из Кадетского Корпуса в Армейские офицеры.

В начале царствования Елисаветы Петровны, военная Дисциплина начала было упадать в войсках, но Графы Румянцев и Чернышев, будучи еще полковниками, возстановили оную в полках своих, и тем возбудили соревнование в прочих частных начальниках.

(15) Наступившая война с Пруссаками доставила войскам нашим ощутительную пользу, ибо в сию войну начали они делать истинные успехи в Тактике и особенно в Дисциплине. Солдаты наши, которые до толе одну только Россию почитали благословенную страну, и думали, что они одни только были люди, узнали, что и в других Землях находится тоже самое. В пребывание свое в Пруссии зделались они несравненно человеколюбивее прежнего. Доказательством тому служит, что в первом сражении с Пруссаками при Грос-Егерндорфе, солдаты наши не давали пощады пленным, хотя большая часть из них были тяжело ранены. Офицеры не имели удерживать солдат своих, чтобы самим не подвергнуться зверству их и не получить название изменника. Но когда войска наши провели несколько зим в Пруссии, то сия слепая ненависть противу неприятелей превратилась в уважение. Солдаты наши удивлялись подвигам Фридриха II-го, называли его храбрым солдатом, говорили, что сделали бы чудеса с таким предводителем, и перестали дурно обращаться с пленными. Петр III-й, вступив на престол, уничтожил последнее ее злоупотребление, которое дотоле препятствовало совершенству воинской Дисциплины, и достойного Офицера злобе бездельника, ибо рядовой одним словом (сказав, что имеет слово и дело), мог обвинить своего командира, которого тотчас брали под стражу и поступали как с преступником.

(17) В правление Екатерины II-й великой, Дисциплина в Армии Российской доведена была до такой степени совершенства, что спорила в преимуществе с Прусскою дисциплиною, которая почиталась первою в Европе. Сему наипаче споспешествовал фельдмаршал Граф Румянцов-Задунайский, который, приняв в 1770 году главное начальство над Армиею, действовавшею против Турок в Молдавии, первою обязанностию поставил ввести в оной единообразие в отправлении службы и строгую Дисциплину на чинопочитании основанную «ибо от сего взаимная доверенность между командующим и войсками, и спокойствие оных утверждается» (собственные слова фельдмаршала).

(18) Румянцев предписал всем полковым и ротным командирам (в ордере своем Генералу Олицу): «чтобы старались привести нижних чинов в приличное военным людям состояние, внушили бы им добропорядочную жизнь, вежливое обхождение и чистоту не только круг тела своего, что есть первым средством к предохранению себя от болезней, но и круг лошадей своих и всех, вообще, оружейных, мундирных и амуничных вещей. А как для сего нужно частое обращение с солдатами и подробное всему толкование, то делить роты на части между обер-офицеров, дабы обучать солдат всему до них принадлежащему, в той уверенности, что прилежный и понятный скоро восчувствует свою в том надобность и познает превосходство свое над неустроенным неприятелем (19) Каковы Турки, а непонятный и ленивый потерпит сам за себя, а не весь вообще, как то обыкновенно бывает». В последние годы царствования Екатерины II-й, дисциплина начала ослабевать, особенно в последние польские войны, в продолжении коих, некоторые отрядные начальники войск Российских, подавали пример грабительства своим подчиненным, и чрез то, еще более раздражили ненависть, издревле существовавшую между Россиян и Поляков.

Павел I, вступив на престол, паки возстановил строгую дисциплину в войсках и вывел многие злоупотребления, вкравшиеся от самовластия частных начальников. Наконец, в правление императора Александра I-го, (20) Дисциплина в войсках Российских доведена до такой степени совершенства, что в прошедшую войну возбудила удивление всей Европы и заставила благословлять оружие Его даже самих неприятелей наших французов. Показав, что есть Дисциплина и, каким образом постепенно введена в войсках наших, рассмотрим теперь на каких правилах должна быть основана дисциплина благоразумно учрежденная.

(21) Правила, на коих должна быть основана Дисциплина

Многие мыслят, что военные люди свободнее прочих состояний могут нарушать обязанности Веры и добродетели, но это заблуждение сколь нелепо, сколько и пагубно. Чтобы

быть добрым солдатом, надлежит иметь более добродетелей, нежели обыкновенный человек, и менее слабостей, более мужества, и менее опасения смерти. Пороки противны чувствованию чести и даже самой храбрости, отличительному свойству солдата. Роскошь, вино и сластолюбие (помета карандашом: воздержание. — С.Р.) притупляют разум, изнуряют тело и ослабляют мужество.

(22) Ежели разум потеряет свою силу, а тело свою крепость, ежели человек делается слабым и изнеженным, то можно ли ожидать в нем хорошего солдата и еще, более того, полководца? Первое и главное правило Дисциплины — беспрекословное повиновение к повелениям начальства, ибо без того Армия существовать не может. По сему правилу, солдат, который по приказанию начальства обогрется кровью, зажигает великолепные здания, разрушает памятники самим временем пощажённые, наблюдает воинскую Дисциплину, и следовательно достоин награждения. Напротив того, солдат, который для похвального дела оставит свой пост, или выйдет из своего ряда без приказан или позволения начальника, нарушает Дисциплину и достоин строгого наказания.

(23) Римляне, под начальством Консулов Манлия и Деция вели кровопролитную войну с Латинами. Несколько неудачных предприятий сделали осторожными полководцев, которые издали повеление запрещающее под смертною казнию сражаться с неприятелем вне рядов, без особеннаго на то позволения. Случилось, что Т. Манлий, сын Консула, будучи послан с отрядом Конницы для обозрения, подъехал к самому стану неприятельскому. Один из знатнейших чиновников Латинских начал вызывать его на поединок, с таким обидным высокомерием, что младый римлянин, исполненный огня и храбрости не мог воздержаться, бросился на противника своего, убил его и покрывшись добычею с него снятою с торжеством возвратился в стан Римский,

(24) будучи осыпая похвалами от своего небольшого отряда. Узнав о сем произшествии, Консул Манлий собрал все легионы и произнес сии ужасныя слова: «Сын мой! не уважая ни повелений Консульских, ни власти родительской, ты осмелился сражаться вне рядов, вопреки запрещению нашему: ты нарушил Воинскую Дисциплину, которая по сей день была твердейшею опорою Республики. Теперь нахожусь я в горестной необходимости, или изменить пользе отечества, или пожертвовать самим собою и всем, что имею драгоценнейшаго. Но справедливость требует, чтобы скорее мы потерпели, нежели отечество ни в чем не повинное. Ежели кровь моя течет в жилах твоих, то я уверен, что охотно пожертвуешь собою, дабы чрез казнь твою возстановилась.

(25) Дисциплина тобою ниспровергнутая. Приблизь Ликтор (Ликторами называли Консульских приставов) привяжи его к столбу!» Вся Армия ужаснулась, слыша повеление столь жестокое. Ликтор схватил юнаго Манлия, и отсек ему голову в присутствии всех воинов.

В Греции, во время войны у Фивен с Лакедемонянами, Эпами-нонд, принужденный возвратиться в Фивны для выбора градоправителей, поручил начальство над Армиею сыну своему, со строгим запрещением вступать в сражение во время его отсудствия, но молодой человек, не могши стерпеть попреков неприятеля, забыл повеления отца своего напал на спартанцев и разбил их совершенно. Когда Эпаминонд возвратился в стан Фивский, то сын предстал пред него гордясь победою своею, отец сперва увенчал его, как победителя, а потом предал смерти, как ослушника своих повелений. (26) Если кто возразит, что не лъзя нам следовать примеру Древних, которые все добродетели свои, наипаче любовь к отечеству, простирали до иступления, то История доказывает, что и в новейшие времена нарушение повиновения всегда наказывается смертию. При осаде Вигуаля, произведенной Французами под началом Маршала Бриссака, молодой дворянин по имени Буасси, будучи увлечен пылкостью своего нрава, без всякаго приказаня бросился на пролом, сделанный осждающими в стане крепости. Товарищи, видя его в такой опасности и желая выручить, также пошли на приступ и завязалось (27) дело с неприятелем, храбро сражались. Число войск на проломе час от часу увеличивалось до того, что, наконец, Маршал принужден был послать остаток Армии к ним на помощь. Таким образом, крепость взята приступом, по жестоком сражении. Спустя несколько дней, Маршал собрал всю Армию, в сильных выражениях жаловался на непослушание войск, без приказаня его осмелившихся идти на приступ, и отдал под суд Буасси, который приговорен, был к смерти, как нарушитель воинской Дисциплины. Тщетно многие из знатнейших чиновников просили Маршала о помиловании его: Он был непреклонен. Приговор был прочтен несчастному Буасси, и профос готовился уже вести его на место казни, когда Маршал призвав к себе виновнаго (28) простил его из уважения, что проступок его произошел более от необузданной храбрости, нежели от духа неповиновения.

Во время войны Россиян с Турками в 1773 году, Суворов, будучи еще генерал-майором командовал отдельным отрядом на реке Аржиш, в Валахии, под главным начальством фельдмаршала Румянцева. Узнав об оплошности Турецких войск при Туртукае расположенных, переправился он с отрядом своим через Дунай, напал внезапно на Турок, совершенно разбил их, овладел флотилиею их на Дунае, отбил Артиллерию и, наконец, взял самый Туртукай. Но славный подвиг сей совершенно был без воли и ведома Главного Начальства: Суворов был отдан под суд и приговорен к лишению чинов и жизни. Древний Рим, верно, предал бы его смерти, но Екатерина П-я, миловавшая человечество и знавшая (29) ценить людей полезных для отечества написала на докладе: «Победителей судить не должно». И сею строкою спасла полководца, который впоследствии оказал отечеству столь важные услуги.

С первого взгляду, покажется чрезмерною и несправедливою, но ежели разсудить хорошенько, то оная необходимо нужна. Частные начальники суть только помощники Главнокомандующего и так сказать пружины, посредством коих он приводит в действие всю Машину. Они не могут, и не должны знать тайны его предприятий до самого часа исполнения оных. Следовательно, частный начальник самовольным и неуместным нападением может совершенно ниспровергнуть предначертания Главнокомандующего, (30) А поверхность над неприятелем, им приобретенная не вознаграждает потери тех последствий, которые бы можно было получить от выполнения сказанных предначертаний.

Главнокомандующий отвечает Государю и Отечеству за войски ему вверенные и за успех военных действий. Коль скоро он возведен на сию высокую ступень, то должно предполагать, что имеет уже все способности и познания к тому потребныя. Его дело различать дарования подчиненных ему чиновников, и в его воле состоит более или менее доверять им. Ежели Главнокомандующий полагается на искусство и благоразумие отрядного начальника, то без всякого сомнения позволяет ему не упускать случаев, в коих не подвергая отряда излишней опасности, он может одержать над неприятелем (31) значительную поверхность, и тем содействовать успеху главного предприятия. В противном случае отрядный начальник не должен делать никаких предприятий без позволения высшего начальства, ибо то достоверно, что из 10 самовластных поступков едва ли один бывает удачен, а поверхность над неприятелем не имеющая влияния на общий ход военных действий, будет только напрасная потеря людей: следовательно, причинит более вреда, нежели пользы. Сказанное здесь об отрядных начальниках надлежит разуметь и о прочих всех чинах в отношении младшему к старшему.

Многочисленные опыты доказали, что лучше начальствовать Армиею необученною, но слепо повинующеюся, нежели совершенно выученною, но без повиновения. Многочисленность и личная храбрость войск не могут заменить Дисциплины. В последних войнах Римлян с Галлами и Германцами (32) видно, что в начале сражения последние обыкновенно имели поверхность, но под конец почти всегда были разбиваемы. Дисциплина делала Римлян стойкими и упорными в Обороне. Тоже самое доказывают войны Россиян с Турками и Персиянами.

Армия, наблюдающая Дисциплину, может быть побита, но никогда не можно ее совершенно уничтожить, она скоро оправляется и в свою очередь разбивает неприятеля. Ежели же такая армия будет разстроена нечаянным нападением, то опять собирается. Напротив того, Армия без Дисциплины хотя и будет выигрывать сражения, то не сможет пользоваться своими победами, а ежели подвергнется внезапному нападению, то почти всегда бывает уничтожена.

(33) В доказательство сей истины, приведем письмо Маршала Но-аля к Лудовику XV, на другой день после несчастного для французов сражения при Деттингене: «Единственно одной Дисциплине войск неприятельских, повиновению офицеров и точному исполнению всех приказаний, можно приписать маневры, произведенные им вчерашнего дня. С крайним прискорбием нахожу себя принужденным донести Вашему Величеству, что сие — то самое и неизвестно в войсках Ваших, и ежели не будет употреблено неусыпного и непрерывного старания к отвращению сего недостатка, то войски Вашего Величества придут в совершенный упадок». Вот истинная причина, для чего все знаменитые Полководцы, как древних, так и новейших времен, старались, прежде всего (34), утвердить Дисциплину в армиях своих, а потом уже вели их против неприятеля. Однакож вводя Дисциплину, Полководец не должен переменять порядок службы, поелику порядок утвержден Воинским Уставом, то Генерал может в непредвиденных случаях что-либо прибавить для общей службы. Без сего предосторожности все будет самовластно, никто не может знать, как ему поступать, и каждый поход будет новая служба. Человеческий разум не применяется к таким частым переменам и от

них всегда происходят: неудовольствие, отвращение к службе и беспорядок.

Нарушение Дисциплины опасно не только в присутствии неприятеля, но и в отдалении от него, и даже в мирное время.

Агезилай, Царь спартанский, принужден был по стечению обстоятельств оставить Армию (35) наместнику своему Гилусу. Сей, ослабляет Дисциплину в войсках, полагая, что в том нет опасности, но вскоре воины его разсыпаются для грабежа. Локрияне, пользуясь таковым беспорядком, нападают на Спартак, и убивают Гилуса и множество его солдат.

Легко можно ввести Дисциплину во вновь составляемый Корпус войск, но весьма трудно возстановить ее в войсках свергнувшим иго оной; ибо, естшь после слабой Дисциплины захочешь возстановить строгую, то узы ея покажутся оковами, и в войсках употребят все средства, чтобы свергнуть оныя. Равным образом, ежели после строгой Дисциплины сделано будет хотя малейшее послабление, то войска сочтут все дозволенным. Для отвращения таковых последствий необходимо нужно (36), чтобы Законы воинской Дисциплины изложены были кратко и ясно; а в приговорах своих были не отменяемы, не взирая на чин и породу преступника. Все предписываемое сими Законами касательно повиновения и чинопочитания надлежит наблюдать с величайшей точностию, не делая ни малейшего послабления, ибо вся Дисциплина будет потеряна, естшь позволишь преступить ненаказанно хотя один пункт оной.

В сем случае, должно брать пример с древних Римлян: во время войны с Самнитянами, Папирий Курсор, предводительствовавший Армиею Римскою в звании Диктатора, имея надобность ехать в Рим, здал Начальство над Армиею Фабию, своему Генералу над Конницею, человеку опрометчивому и храброму, однакож запретл ему сражаться в свое отсутствие. Едва успел уехать Диктатор, как Фабий помышлял (37) о совершении какого нибудь предприятия, особенно когда узнал, о чрезмерной безпечности, в коей неприятель со времени отъезда Папирия находился. Пользуясь сим, он вознамерился напасть на Самнитян, и произвел сие с таким успехом, что более 20 тысяч неприятелей побито на месте сражения. Тотчас за сим, Фабий писал в Рим о победе им одержанной, и донесение свое послал прямо в Сенат, а не к Диктатору, явно показывая, что не хочет разделить с ним славы успехов им приобретенных. Весь город обрадовался такому известию. Один Папирий не брал участия в общем веселии, изъявлял только неудовольствие и негодование свое на Фабию за нарушение Дисциплины, и тотчас выехал из Рима (38) для наказания виновного. Фабий известивший чрез приятелей своих о угрозах Папирия, собрал воинов и умолял их, чтобы защитили его от жестокости и зависти Диктатора. Между тем, прибыл Папирий и велел собраться легионам. Позвав к суду Фабию, спросил он его, во-первых: Запрещено ли было ему вступать в Сражение? во-вторых: сражался ли он вопреки его приказанию? Фабий, смущенный сими двумя вопросами, сбивается в ответах: жалуется, что имеет в одном лице и Судью и обвинителя, восклицает громогласно, что могут лишить его жизни, но не возмогут отнять у него чести знаменитою победой приобретенной; к укоризнам своим присовокуплять оправдания. Но столь обидное пустословие еще более раздражает Диктатора, который, наконец приказывает (39) Ликторам (консульские приставы) своим взять генерала. Фабий призывает к себе на помощь всех воинов, и, высвободившись от Ликторов ищет убежище среди Армии, которая окружает его. Тогда ужасное смятение распространилось на всю страну: здесь слышны были угрозы, там прозбы. Тщетно Папирий приказывает наблюдать молчание; шум все более и более возрастающий препятствует слышать глас Диктатора и его приставов. Наконец, ночь разлучила спорящих. Фабию приказано явиться к суду следующего дня; но по совету друзей он бежал ночью в Рим и явился в Сенат. Между тем, как он говорил против чрезмерной строгости и неправосудия своего полководца, внезапно прибыл сам Диктатор, который узнав о побеге Фабию, немедленно за ним последовал (40). Ссора возобновилась и Папирий приказал Лекторам схватить виновного. Тщетно весь Сенат просил о помиловании виновного: непреклонный Папирий упорствовал в своем намерении. Тогда М.Фабий, отец виновного прибегает к последнему средству ему оставшемуся: «Есть ли не что не может тронуть тебя, — сказал он, обращаясь к Диктатору, — ни уважения к Сенату, ни старость несчастного отца, ниже достоинство и знатность виновного, то я прибегаю к народу, который без сомнения имеет более власти, нежели сколько дает тебе звание Диктатора».

Вследствие сего переноса дела все идут на большую площадь и Папирий входит на трибуну, с коей говорили речи. Фабий имел на своей стороне благосклонность Сената, любовь народа и прозбы всей Армии. (41) С другой стороны, Папирий защищал власть начальства дотоле неприкосновенную, Дисциплину воинскую, приказания Диктаторов, всегда чтимые наравне с Оракулом; пример Манния, который любовью отеческой пожертвовал пользе

государственной. Он упомянул также, что и Брут, основатель Республики предал смерти двух сыновей своих за неповиновение. Все сии доводы, приведенные Папирием в речи произнесенной с видом строгим и важным, сделали на все умы ужасное впечатление. Народ не посмел оправдать Фабия: он начал умолять Диктатора о помиловании его, Трибуны присоединили прозбы свои к прозбам народа. Отец Фабия, сам Фабий пали к ногам Папирия, прося его со слезами помилования. Тогда Диктатор, повелев быть молчанию, сказал: «Военная Дисциплина, власть Главнокомандующего, которая до сего дня едва не были (42) ниспровергнуты навсегда, восторжествовали. Фабий, осмелившийся вступить в сражение вопреки приказанию своего Полководца, не защищается как невинный, но признается виновным. Преступление сие прощается ему из уважения к прозбам народа Римского и Трибунов, которые умоляют даровать ему жизнь из милости, а не правосудия. Фабий! Ты учинил преступление, которое сам отец твой не мог бы простить тебе, естлиб был на моем месте. Но произшествие сегодня да научит тебя как в мирное, так и в военное время беспрекословно повиноваться начальникам над тобою поставленным. Тем докажешь ты благодарность свою к народу Римскому».

Поелику Дисциплина поперечит страстям и желаниям тех, которые должны быть ей подвластны, то и потребно, чтобы оная вспомо-ществована была (43) страхом и надеждою. Страхом; для того, чтобы не нарушали запрещений ею зделанных; а надеждою, чтобы охотно исполняли ее предписания. Достоинства и заслуги не должны быть никогда оставлены без награждения, а проступки без наказания. В первом случае надлежит быть точными и справедливыми, а во втором — неумолимым.

Наказания должны быть соразмерны преступлениям: Многие опыты доказали, что слишком жестокие наказания делают на умы только временное впечатление, а более ожесточают людей, нежели исправляют. Однакож бывают случаи, в коих преступник должен быть немедленно лишен жизни, но сие нужно только в важных обстоятельствах и для особенных преступлений.

(44) Благоразумный начальник к стати употребляет власть ему врученную, чтобы не ожесточить войск и не навлечь на себя ненависть их излишнею строгостию не во время употребленную. К тому же известно, что от чрезмерно жестоких наказаний определенных за не важныя преступления, обезпечивается ненаказанность оных. Общая выгода, сострадание, отвращение быть участником в смерти несчастного; все сие спосшествует к уклонению от Законов. Всякий притворяется, будто не примечает проступков, которые, по мнению его, наказываются слишком жестоко. И таким образом, Дисциплина нечувствительно развращается. Но сего не бывает там, где наказания не жестоки и соразмерны преступлениям, ибо каждый печется о изкоренении Злоупотреблений. Катон старший, безперстанно твердил правителям Рима сие правило: «Употребляйте с умеренностию власть Вашу, естли хотите пользоваться оною долгое время. Кротость поддерживает власть, жестокость (45) ниспровергает оную».

В мирное время, Дисциплина должна управлять страхом, а военное время — надеждою. Но, вообще говоря, Дисциплина должна быть основана не только на страхе, как на чести, соревновании и славы. Люди, образованные на тот предмет, чтобы презирать смерть и страшиться поношения, скорее могут быть управляемы стыдом, нежели страхом. Так поступали Римляне в цветущие времена Республики: в наказание неисправным и робким солдатам, лишали их воинской одежды и покрывали рубищем, в стане не позволяли им быть вместе с прочими товарищами, разжаловали из высших классов в низшие; Когорта (десятая часть Легиона, а сей обыкновенно состоял из 4 200 или 4 000 человек), слабо оборонявшаяся в сражении, отделяема была (46) от своего Легиона, у нее отнимали Знамя, убавляли порции съестных припасов, или ставили ее особо, вне стана (Римляне имели обычай окружать свой стан земляным валом со рвом, оставляя для выхода только одни, или несколько ворот), и таким образом подвергали ее нападениям неприятельским, пока находила она случай возстановить потерянную честь свою каким-нибудь отличным подвигом. Такого же рода наказания были и для знатных чиновников: К. Тиция, Генерала над Конницею, который допустив разбить себя в Сицилии, положил оружие пред неприятелем, Консул Пизон велел одеть в разорванное рубище, без пояса, и осудил его на весь остаток похода служить в звании рядового воина, пешком и с босыми ногами. Некоторые преступления и у Римлян наказывались смертию, как-то: оставление своего места в боевом строю (47) или в карауле, из подлой трусости; бросание оружия, чтобы при отступлении легче бежать и возмущение против начальников. Иногда, целные Корпусы войск были наказываемы: Есть ли Легион бунтовал против начальства, бежал с поля сражения, потерял свои Знамена, или выходил из опасности посредством постыдного договора с неприятелем, то наказывали каждого десятого человека из

проступившихся.

Один римский легион в 4 000 человек, разграбивший город Реджио в Калабрии, вопреки приказанию своего Генерала, был весь предан смерти по определению Сената, с запрещением погребать казненных, а родственникам их носить траур. Но таковые наказания были у Римлян весьма редки и употреблялись только в важных случаях, когда нужен был сильный пример для утверждения колеблющейся Дисциплины и возвращения воинов к старым учреждениям и обычаям. (48) Даже и в сих случаях, нередко предпочитали посылать они на работу провинившиеся войска и, в чем и Государство находило свою выгоду, ибо войска не могли избавиться от сего наказания иначе, как отличившись в сражении против неприятеля.

Пока Римляне следовали правилам сей строгой Дисциплины, то обладали почти всем миром, в те времена известным, но коль скоро ослабили оную, то Легионы их, дотоле непобедимые, часто были разбиваемы, и вместо того чтобы защищать Империю, продавали ее. Напоследок, Рим не мог устоять при таком развращении нравов, и пал под усилиями Готов, Гуннов и Вандалов, со всех сторон на них нападавших.

Но того еще мало, чтобы уметь только наказывать; надлежит также знать искусство и награждать. (49) Надежда есть главная побудительная причина всех человеческих деяний, наипаче военных подвигов. Можно ли предпринять что-либо великое и важное с людьми ни на что не надеющимся, которых ни что лестное не возбуждает, и которые не ожидают себе ни почестей, ни наградений? Какой твердости, какой храбрости, трудов и подвигов, и наконец, повиновения можно ожидать от них? На сей конец у Римлян учреждены были: повышение чинами, раздел добычи, взятой у побежденных, разные преимущества и знаки военного отличия, как-то: венцы, картины, статуи и триумфы, а в наши времена установлены знаки отличия для Офицеров и Солдат (Достойно примечания, что Россия, занявшая большую часть военных учреждений своих от Иностранцев, первая показала им пример установлением почетных медалей для рядовых и унтер-офицеров).

(50) Но при раздаче сих знаков нужна крайняя разборчивость и бережливость: Ротный командир, по пристрастию доставляющий почетный знак солдату, который не заслуживает онаго более всех товарищей своих, возбуждает в целой роте ропот и негодование.

Воинская Дисциплина, равно как и Гражданские Законы, должна быть приспособлена к свойству и умонастроению того народа, для коего устанавливают оную. Не нужно для сего выискивать Дисциплину самую лучшую, которая бы более приличествовала свойству народа. Известно, что Римляне, хотя вводили у себя все, что могли найти лучшего в оружии и Тактике прочих Народов, однакож всегда сохраняли прежнюю свою дисциплину. Несравненно легче приспособлять Дисциплину к свойству народа, нежели преклонить народ под иго дисциплины не свойственной его умонастроению. (51) Каждый народ имеет свои предрассудки: надлежит только уметь пользоваться оными. У французов наказание палками употребляется только для некоторых преступлений, между тем как во всей Германии и России наказывают оными за малейший проступок. Военный Министр Сен-Жермен, бывший некогда в Датской службе, вздумал ввести во французскую Армию наказание палками на место виселицы, что ж из того последовало? Французы резались и давились, чтоб избежать сего наказания, которое по их народному предрассудку казалось им поноснее виселицы.

Когда в Дисциплине, или других учреждениях соседственных народов найдется что-нибудь достойное подражания, то, вводя в свою Армию надлежит переиначить и приспособить к свойству своего войска. В противном случае, если обстоятельства потребуют вести войну с тем (52) народом, коему во всем слепо подражают, то большая часть офицеров и солдат будут уже побеждены одним предрассудком прежде, нежели вступили в сражение.

В числе причин совершенного разбития Французов под Розбахом (в 7-летнюю войну), должно включить также и слишком хорошее мнение, которое имели они о прусаках. Сделав привычку видеть в них наставников своих в Экзерциции и Маневрах, французы полагали, что Прусаки же знающие и в искусстве побеждать и при первом нападении их обратились в бегство. Из всего сказанного здесь о Дисциплине следует, что она имеет предметом:

Чистоту нравов.

Совершенное повиновение младшаго чина к старшему.

Бдительность начальников над исполнением всех военных узаконений.

(53) Наказание проступившихся и награждение отличных.

Дисциплина имеет силу только в руках начальника, умеющего приобрести уважение и доверенность своих подчиненных. Заблудившись в лесу, но с надежным проводником наитруднейшие дороги покажутся хорошими или, по крайней мере воображаешь, что они

лучшая. Уверенность, что скоро выйдешь на настоящую дорогу поддерживает и ободряет. Но с проводником, в знании коего сомневаешься все кажется, будто с каждым шагом более и более удаляешься от настоящего выхода, и по мере того как идешь далее, силы ослабевают.

Начальник, не умеющий заслужить привязанность своих подчиненных, подвержен почти тому же самому, как и начальник, который не умел приобрести их доверенность.

(54) Одного дня недостаточно для установления хорошей Дисциплины, или для введения оной: для сего потребно время, ибо Дисциплина не вдруг переменяет людей, но мало помалу смягчает их. Не лъзя надеяться успеть в том не впадая в погрешность, но самые погрешности сии полезны, ибо как подчиненных, так и начальников поучают быть старательными, деятельными и не столь высокомерными. Есть ли Дисциплина не делает нетерпеливаго хладнокровным, то по крайней мере препятствует, чтобы пылкость его не обратилась ему во вред.

Хотя много значит, есть ли солдаты приведены к повиновению, но более всего надлежит стараться подчинить офицеров. Армию можно разсматривать как машину из многих колес: есть ли одно колесо испортиться, то вся машина или остановиться, или будет иметь (55) неровное движение. Но того еще не довольно, есть ли Офицеры будут повиноваться Законам Дисциплины: потребно, чтобы они исполняли их без роптания. Солдат тогда только разрывает узы дисциплины, когда офицер тому подает пример, или возбуждает в нем дерзость неосторожности своих разговоров. Люди без спокойного нрава не столько сделают вреда Дисциплине, явно вооружаясь против оной, как те, которые (лезут) подрывать ее тайным ропотом. При всем том, сколько бы ни старались Внушить повиновение солдатам и офицерам, сколько бы старания сии не были успешны, но есть ли бригадные начальники сами не будут повиноваться и не поставлять себе обязанности отдавать должнаго почтения дивизионным и корпусным начальникам, а сии Главнокомандующему Армиею, то в короткое время все опять разстроится.

(56) О средствах служащих к введению Дисциплины

Дисциплина есть важная отрасль начальной Тактики, которая, кроме того разделяется еще на порядок и Экзерцицию.

Порядок — показывает солдату его место и к нему относятся все расчеты и разрешения в воинских построениях. Экзерциция научает его быть расторопным и знающим свое дело, а воинская Дисциплина внушает в войско истинно воинский дух, дабы оно, как единое тело, одинаково мыслило и чувствовало. Армия без Дисциплины есть тело без души от которой ничего ожидать не можно.

Истинно воинских дух состоит:

В порядочной и добродетельной жизни.

В ревностном исполнении своей должности.

В совершенном повиновении своим начальникам.

(57) Лучшие средства по введению в войсках Дисциплины суть:

1) Неусыпное смотрение за солдатом, дабы он не мог ничего сделать без ведома своего Офицера или унтер-офицера, чрез то удержится он от шалостей и проступков, могущих подвергнуть его наказанию, и со временем так привыкнет к повиновению, что напоследок ничего сам собою предпринимать на будет.

2) Частое с солдатом обращение, которое придаст ему смелости, расторопность и честолбие, а между тем доставит начальнику его любовь и доверенность.

3) Толкование солдату всего касающегося до его должности, и для чего он, наипаче в деле с неприятелем, к собственной пользе своей о повелениях начальства разсуждать не должен, но слепо повиноваться своему начальнику, который лучше его знает, что делать должно, и в поступках своих (58) отвечает пред Богом и Государем.

4) Старание о сохранении здоровья солдатского, и о доставлении ему всяких позволительных выгод, ибо чрез то начальник приобретает его приверженность.

5) Строгость, на благоразумии основанная, ибо, чем более имеет солдат привязанности к своему офицеру, тем послушнее к нему он бывает.

Повиновение (субординация), есть первая воинская добродетель: оное должно наблюдаемо от Солдата до Генерала, однакож не должно быть безчеловечное или высокомерное со стороны начальников, или рабское в подчиненных. Добродетель должна быть уважаема во всяком состоянии: Офицер обязан почитать ее и

в рядовом солдате; в противном случае сам не заслуживает почтения. Не лезь представить себе, сколь вредны (59) для Дисциплины знаки презрения, или грубые и обидные выражения, столь часто употребляемые офицерами. Есть ли солдат виноват, должно наказать его без пощады, но без обиды и поношения. Ежели офицер будет обходиться с солдатом милостиво и снисходительно (*однакож, не за панибрата*), то уви дит, сколь усерден будет он к своей должности и сколь чувствителен делается к чести.

Каждый начальник должен почитать себя отцом своих подчиненных и поступать с ними с благоразумною строгостию, то есть:

- 1) Наказывать без малейшего упущения, но по мере вины;
- 2) Награждать и отличать за похвальные дела.
- 3) Обходиться снисходительно (60) и милостиво. От сего происходит та польза, что:

* Неупустительное, но справедливое наказание воздержит от преступления.

* Награждение и отличие произведут соревнование, усердное исполнение своей должности и заставят любить свое звание.

* Снисходительное отношение уверит солдата, что звание его благородно а потому душа его возвысится. Напротив того, от безрассудной строгости (*известно, что Российский солдат без ропота сносит жесточайшее наказание, когда знает, что заслужил оное. Напротив того, несколько ударов без вины им полученных, делают ему состояние его несносным. По сей причине нужно иметь строгое смотрение за унтер-офицерами, которые иногда ленясь иметь присмотр за рядовыми, хотят безрассудною жестокостию своею содержать их в порядке, и тем избавиться от труда надзирать за их поступками*), которая не (61) занимаясь средствами, могущими подвигнуть людей к добродетели, основываются единственно на безчеловечии и жестокосердии происходит то, что:

Солдат получит ненависть к своему состоянию.

Исполнять должность свою будет, но без душевнаго усердия и звание будет почитать уничижительным, потому что с ним обходятся, как с последним человеком.

В начальнике своем будет видеть перваго себе неприятеля.

Начальник, поступающий таким образом погрешает:

Против человечества, потому что с солдатом поступает безчеловечно.

Против Отечества, потому что неумеренною и несправедливою жестокостию отнимает здравие, следовательно и способность служить у солдата, который так же есть член онаго, и есть ли делается неспособным к службе, то Отечество принуждено опять от сохи (62) другого человека, чтоб поставить на место перваго.

Против Государя, потому что Государь вручает солдата начальнику не с тем, чтобы изнурять и истреблять его, но для того, чтобы сберечь и сделать полезным и способным Отечеству.

Словом сказать, единою жестокостию можно удержать от преступления, но нельзя внушить добродетели.

Весьма ошибаются те, которые думают, что в военное время можно ослабить Дисциплину, напротив, в сие время и нужно наблюдать ее с большою точностию. Офицеры, не знающие образа мыслей солдат, ласкают и потворствуют им в день сражения, но они худо делают, переменяя обращение свое с ними. Однажды случилось, что во время сражения солдаты, утомленные продолжительною перестрелкою начали колебаться, Офицеры просили, уговаривали их, но ничто не помагало. (63) Вдруг, приезжает Майор, начинает кричать на солдат и тотчас все приходит в порядок по своему обыкновению и тотчас все приходит в порядок. Конечно, Майор был не прав, ругаясь в мирное время, но есть ли он привык к сему на простом учении, то и перед неприятелем должен употреблять те же выражения.

Праздность, сластолюбие и роскошь, суть Главнейшие неприятели Воинской Дисциплины. Сципион, желая восстановить Дисциплину в Армии, над коею принял начальство, прежде всего, изгнал распутных женщин, запретил держать излишних слуг, экипажи, првать товары, способствующих роскоши. Того ж правила держался и фельдмаршал Граф Румянцев: в Армии его положена была оценка только одним вещам и припасам необходимо нужным для солдат и офицеров; (64) все же служащее для прихоти позволено было продавать по вольной цене.

Ежели при соблюдении правил здесь изложенных, ни возраст, ни чин или порода, не будут спасать от заслуженного наказания, то с каждым днем Дисциплина будет приобретать новые силы.

Сколь ни полезна Воинская Дисциплина, но есть ли только она одна будет удерживать солдат от преступлений, то они еще весьма далеки будут от

желаемого совершенства. Дисциплина может сделать их храбрыми, стойкими в обороне и послушными, но никогда не внушит им, что они люди, граждане, и что по сим двум Званиям должны иметь так же и общественные добродетели. Одна только нравственность может поселить в солдатах сии добродетели, необходимые для благосостояния войск, (65) чести их, и славы народа, коего часть они составляют. Вера, по влиянию ее на добрые нравы и на все обязанности людей, есть основание Воинской Дисциплины и один из важнейших предметов для Полководца. Вера должна иметь более влияния на сердца, нежели на разум солдат, должна внушать им высокое понятие о святости присяги на верность службы, данной им Государю и Знаменам; должна смягчать в них нравы и поселить чувства человеколюбия и добродетели, которые с истинным мужеством всегда неразлучны бывают.

В сем то состоит истинная обязанность Полковых Священников: наставники в Вере, должны учить так же и добрым нравам, почему и надлежит поручать сию важную должность людям возмужалым, трезваго поведения, благочестиваго жития и имеющим (66) достаточные сведения. Словом сказать, людям, которые бы примером своим подтверждали сказанное ими в поручениях.

Ничто столько не поражает сердца людей, как описание великодушных деяний. Впечатление, производимые оными более привязывает к добродетели, нежели витийственное речи и сильные упреки строгаго оратора. Отечественная история наша доставляет множество примеров для поучительных слов: Священники, напоминая часто солдатам деяния не только знаменитых мужей наших, но даже и рядовых, отличившихся безкорыстием и честностию своею, да научать их Любви к Отечеству, верности к Государю, повиновению начальникам и человеколюбию.

(67) О пользе доставляемой строгою Дисциплиною наблюдаемою в Земле неприятельской

Нет ничего необходимее, как наблюдение строгой Дисциплины в Земле, в которой войска проходят, стоят лагерем, или разположены на квартирах.

Транзивуль, Полководец Афинский, овладел одним из знаменитейших городов острова Родоса. Чтобы избавиться от разграбления, город заплатил ему значущую контрибуцию, но воины афинские без ведома Полководца разорили дома нескольких граждан. Обыватели, раздраженные таковым нарушением слова, вооружаются, в ночное время нападают на стан Афинский, убивают Полководца и великое число воинов, а остальных принуждают спасаться бегством. (68)

В Записках Вьельвиля можно видеть, что в походе 1552 года в Нидерландах, несоблюдение Дисциплины было причиною всех бедствий претерпенных Французскою Армиею: «Неповиновение, — говорит он, — лишило войски наши всякого пособия, которое могли бы мы получить от жителей страны. Доходило до того, что некого было спросить о дороге, ни один обыватель не явился к нам с съестными припасами. За оружием и провиантом, должно было посылать за 5 и 6 миль, и то с сильным прикрытием, ибо конвой из десяти человек делался жертвою раздраженных жителей и назад не возвращался, от чего Армия весьма много потеряла».

Кроме того, что не соблюдение строгого порядка может быть пагубно для Армии, война само по себе есть уже зло столь великое, что надлежит стараться сколько можно уменьшить плачевные последствия оной: разорять землевладельцев (69), самую бедность им делать или еще чувствительнее, развращать жен их и дочерей: что может быть сего ужаснее? что более заслуживает наказания?

Право победителя в Земле неприятельской состоит:

в присвоении себе доходов завоеванной области.

в требовании содержания и продовольствия для Армии, сколько страна доставлять может.

Есть ли победитель хочет иметь способы продолжать войну, то должен сберечь страну, в коей она происходит. Для сего потребно назначить, во-первых: какое именно содержание обязан давать каждый обыватель своим постояльцам, и наистрожайше запретить Грабеж и самовластные требования со стороны солдат и офицеров; во-вторых, сделать (70) оценку всем съестным припасам вместе с доставкою оных, и сходно с сею оценкою платить наличными деньгами за все то, что будет доставляться от обывателей в Армию. Следуя сему правилу и наблюдая при том строгою Дисциплину, можно быть уверенным, что страна никогда не разорится и будет в состоянии довольствовать Армию во все продолжение войны. Надлежит всегда помнить правило, что война должна питать войну: а для сего нужно покровительствовать земледельца, не позволять притеснять его и Грабить, и тем самым

доставлять ему способ возделывать землю свою. Тогда обыватели останутся покойны и безопасны, а содержание Армии будет требовать менее иждивения.

Начальники должны показывать примером умеренности своим подчиненным: Шах Персидский Нуширван, прозванный Справедливым, будучи на охоте, желал поесть дичи им убитой, но не имел соли. Послал за оною в ближайшее селение с строгим приказанием не брать ее без платы: «Какое зло может произойти от того, — сказал один из приближенных Царя, — есть ли не будет заплачено за пригоршню соли? — Такое, — отвечал Нуширван, — что есть ли Царь сорвет одно яблоко в саду своего подданного, то на другой же день придворный его срубит яблоню».

Разительный тому пример, сколь полезно наблюдать Дисциплину в Земле неприятельской, являет нам история Густава-Адольфа. Мог ли Король Шведский с 15-ю тысячами человек, отважиться на войну с Римским Императором Фердинандом II-м, коего одно имя приводило в трепет всю Германию, средства были неизчислимы (72), Армия была дотоле непобедима и который при том имел хороших Полководцев, есть ли бы сам Густав-Адольф не имел войск хорошо образованных и соблюдающих строгую дисциплину. Современные историки описывают, что сего Государя лагерь, всегда укрепленный сообразно с местоположением, походил на город, в коем обитали мир, тишина и согласие. Армия его, даже и в зимнее время располагалась в поле, когда необходимость того требовала. Беспрекословное повиновение, умеренность и непрерывные труды, содержали войски его в строжайшем порядке. Вся Германия удивлялась хорошей Дисциплине Шведских войск. У них, всякий разврат был наказуем и жесточайшему взысканию подвергались все без изъятия, за богохуление, грабеж, игру и поединок (73) (усмотрев сколь противны Дисциплине поединки, ибо нередко препятствуют начальникам взыскивать надлежащим образом с своих, подчиненных, Густав-Адольф запретил оныя под смертною казнию. Случилось, что два Шведских офицера поссорясь между собою вознамерились решить распрю свою поединком. Они бы тотчас прибегнули к сему средству, естлиб не опасались строгости законов и гнева Королевского. Чтобы и с сей стороны обезпечить себя, положили они идти вместе к Королю и просить у него позволения на поединок. Я согласен на прозьбу вашу, отвечал Густав-Адольф, скрывая негодование свое, но сам хочу быть свидетелем поединка, чтобы между вами все происходило в надлежащем порядке. В условленный час, офицеры явились на назначенном месте. Вскоре прибыл туда и Король в сопровождении телохранителей своих, которыхя тотчас окружили место для поединка назначенное. Офицеры, обнажив шпаги, готовились уже к бою, как вдруг увидели подле себя человека держащего (74) в руках длинный меч. Пораженный таким явлением с изумлением смотрели они друг на друга. Чтобы вывести их из сомнения, Король приказал объявить им, что это был палач, имеющий повеление отсечь голову тому из них, кто в живых останется. Офицеры, пораженные сими словами бросились к стопам Монарха, прося прощения в своем проступке. Король простил их, увещевая жить в мире и добром согласии, а между тем велел объявить по Армии: что впредь не будет никому пощады в таком преступлении, которое явно противоречит законам природы, несовместно с воинскою дисциплиною и лишает отечество храбрых и полезных сынов).

Одна из Главнейших статей военных Законов была умеренность: во всем стане Шведском, не исключая и Королевской ставки, не видно было ни золота, ни серебра. Густав-Адольф имел столько же попечения о нравственности солдат, как и в воинском обучении их. Каждый день по утру и в вечеру, полки, собравшись в поле вокруг священников своих, приносили молитвы всевышнему. Во всех сих случаях Король лично показывал пример своим подчиненным.

Следствием такой строгой Дисциплины было, между тем, как войски императорские разоряли все места, (75) им проходимыя под предлогом, что хотят лишить Шведскую Армию продовольствия, жестокие поступки их в блистательнейшем виде выказывали поведение Шведов, и споспешествовали Густаву-Адольфу приобрести сердца всех народов Германии. Войски его за все платили наличными деньгами, до чужого имущества не касались и по сей причине, везде встречаемы были с восторгом, как избавители. Солдаты и офицеры начали переходить в шведскую службу, и между тем, как Густав-Адольф приобрел себе новых союзников, области им завоеванныя и приносили ему добровольныя вспомоществования и Армия его возрастала, войски Императора все более и более уменьшались, а способы его приходили в истощение.

(76)Но к чему нам искать примеров в веках отдаленных, когда события последней войны с французами неоспоримо доказали пользу дисциплины соблюдаемой в Земле неприятельской?

Никогда еще не видано было в Европе ополчения столь страшнаго, какова была Армия, с

которой Наполеон Бонапарт вторгнулся в Россию, в достопамятный поход 1812 года (по верным известиям, силы его простирались до 450 тысяч человек (помета карандашом: 600 т. — С.Р.) и при них было 1200 орудий артиллерии). При виде столь многочисленной и столь хорошо обученной Армии кто бы ни подумал, что она назначена для завоевания Вселенной, но она погибла не столько от сурового климата и Оружия Россиян, как от неосторожности Полководца, который имел неблагоприятное правило позволять грабеж в Земле Неприятельской, дабы тем привязать к себе солдат и возбудить в них храбрость.

(77) Наполеон вторгнулся в Россию без всякого сопротивления, ибо Россияне слишком слабые числом войск, решились избегать общего Сражения и отступить внутрь страны, дабы заманив туда неприятеля, удалить его от великих пособий приготовленных им на реке Висле. Таким образом, Французы без боя овладели всею Литвою, но едва вступили они в пределы России, как предавшись склонности своей к Грабежу разсыпались по селениям, и под предлогом искания съестных припасов отнимали у обывателей все, что только на глаза им попадалось. Литовцы, уstraшенные таковыми насильствами, начали оставлять дома свои, отгоняя скот и унося все, что имели драгоценнейшаго, а французы, приходя на ночлег не находили даже соломы для постелей своих, и за фуражом принуждены были посылать за несколько миль. — Сие происходило в Июне месяце и в окрестностях Вильны!

(78) Между тем, Наполеон разсылал повсюду возмутительные объявления и раздавал оружие крестьянам, в намерении возжечь междоусобную войну между народом и дворянством и побудить Литовцев к набиранию новых войск, которых хотел употребить против России. Средства сии могли иметь некоторый успех только в одной Вильне, где Бонапарт лично находился, но по местечкам и деревням не произвели никакого действия. Поля были опустошены, деревни оставлены, все крестьяне удалились в леса и французы встречали изредка только Евреев рубищами покрытых, которых из корыстолюбия решились, лучше подвергнуться притеснениям их, нежели оставлять смрадные жилища свои.

Бонапарт, беспрестанно мечтавший только о новых завоеваниях, не примечал неповиновения войск своих, и чрез то (79) был виновником разорения богатых и отчаяния бедных. Безпечность его вскоре открыла глаза Литовцам, коих Французы старались уверить, будто пришли освободить их от ига России. При всем том, насильства учиненные Французами в Литве были ничто в сравнении с опустошениями, которых производили, вступив в древния пределы России. Они щадили Литовцев, в надежде возбудить их к поднятию оружия против России, но вступив в Смоленскую губернию, начали опустошать все встречавшееся им. Французский Авангард грабил деревни и усадьбы не заботясь о том, что Войски за ним следующие, чрез то лишались способов к продовольствию. Тогда война начала обращаться в народную: земледельцы, ожесточенные грабительством французов и (80) поруганием Веры и храмов божих, удалились в леса около большой дороги лежащие, начали нападать на неприятелей по-одиночке идущих, или в малом числе отставших от корпусов своих, и без пощады убивали всех, кто попадался им в руки. С того времени, Наполеон должен был видеть, до какой крайности может дойти народ, предпочитающий богатствам свою независимость.

Знаменитое сражение при Бородине, не могло спасти Москвы; однакож доставило ту выгоду, что Наполеон, ослабленный ужасным уроком в сей битве претерпенным, не мог в последствии предпринять ничего важнаго. Российская Армия отступила медленными шагами: французы преследовали ее весьма слабо, и Москва отдана им без всякого сопротивления.

Избалованный любимец счастья, ожидал себе пышной встречи, при вшествии своем в древнюю столицу Царей Российских (81), но вместо того нашел одни стены. Улицы были пусты, город, казался, необитаем, и глубокая тишина царствовала повсюду. Французы вошли со всеми предосторожностями на войне употребляемыми: передовые патрули их осматривали дома и церкви, но в первых находили только детей, старцев или воинов раненых в крепких сражениях, а в последних, тысячи светильников, возженных в честь святых угодников, доказывали, что Россияне до последнего часа не преставали призывать на помощь Всевышняго. Такое благочестивое и великолепное зрелище являло могущественным и великим народ, который называли они варварами, и вливало тайный ужас в сердца неприятелей. С самого вторжения своего в Россию, Наполеон указывал войскам своим на Москву, как на предел их подвигов и богатую добычу, (82) которая с избытком вознаградит их за все труды и нужду, претерпенные ими в течение сего похода. Еще перед Бородинским сражением обещал он им в Москве мир и спокойныя квартиры: От того произошло, что при Бородине французы сражались так отчаянно, с решительным намерением пробиться сквозь все заграждающее им путь на Столицу. Вступив в Москву, они тотчас разсыпались по улицам за добычею, солдаты

их явно продавали или променивали вещи ими награбленные, а жители Московские, приведенные в отчаяние на-сильствами неприятелей, сами зажгли город в разных местах.

Пламя, раздуваемое сильным ветром, охватило все части онога, и вскоре дома, коих Архитектура и внутреннее убранство удивляло самих французов, соделались жертвою пламени. Не надеясь быть в безопасности в городе, коего разрушения казалось неизбежным, Наполеон выехал из Москвы вместе с генералами своими. Тогда своеволие сделалось необузданным: Войски, не будучи удерживаемы боязнию, которое присутствие начальников всегда внушает подчиненным, предались всяким безчинствам, какие только вообразить можно: никакое убежище не было довольно свято, чтобы могло избегнуть жадности их; даже самые гробы мертвых не были пощажены ими.

Между тем, как французы в Москве предавались грабежу и святотатству, Российская армия спокойно совершила тот превосходный, скрытный марш, который положил конец бедствиям России. Фельдмаршал Кутузов не мог надеяться с выгодною оборонять Москву, по причине обширности сего города и малочисленности войск своих. Он чувствовал, что (для), спасения Отечества (84) нужнее было сохранение Армии, нежели сохранение столицы, оставленной большей частию жителей, и что важнее всего было помышлять о прикрытии южных губерний, самых хлеборобных в России, в которых притом находились и военные припасы, необходимо нужные для снабжения Армии. Не имея (намерения) идти туда по Калужской и Тульской дорогами, на коих неприятель, по близости своей к оным, легко бы мог предупредить ему путь, Российский полководец вознамерился обмануть Наполеона; Он приводит в недоумение притворным отступлением по Рязанской дороге, и вдруг повернув в лево на Подольск, круговым движением около Москвы выходит на Калужскую дорогу. Таким образом, он опять приблизился к Смоленской дороге и пришел в состояние перехватывать сей единственный путь (85) военных действий французов, по коему они могли еще получать подкрепления и военные снаряды, в коих после бородинскаго сражения, начинали уже терпеть недостаток. Чтобы препятствовать приходу сих подкреплений и подвозов, Кутузов выслал на Смоленскую дорогу сильные отряды легких войск, а сам, избрав себе, выгодный стан на реке Наре, близ села Тарутина, укрепился в оном. Разорение Москвы, конечно, было великою потериею для России, но и еще и того чувствительнее для французов, ибо лишило их последних средств к продовольствию. Есть ли б, Москва уцелела, то по великому количеству запасов всегда в ней находящихся, французы могли бы оправиться, дожидаясь подкрепления и потом снова начать военные действия. Напротив того, сожжение Москвы было причиною совершеннаго изнурения их Армии и, наконец, принудило их (86) к поспешному отступлению в самое дурное время года. Страшная армия Наполеона, со времени вторжения ея в Россию, потеряла уже более трети людей от усиленных переходов и сражений. Большая часть Конницы истреблена была в сражении Бородинском, а остальная часть, равно как и Артиллерийские лошади, изнуренная худым кормом, почти уже не в силах отправлять службу. Если представить себе нужду претерпенную французами и урон в людях, до прихода их в Москву, и притом в самое благоприятное время года, когда Земля покрытая плодами могла доставить им обильное продовольствие, то нельзя постигнуть причины, для чего Наполеон не возвратился в Смоленск, прежде нежели успела оправиться Российская Армия, тем более, что Москва, на которую он столько надеялся, уже не существовала. (87) Видно само провидение помрачило разум его, дабы наказать за кичливость, ибо, не примечая опасности своего положения, он дерзнул помыслить, что, оставаясь в Москве, может принудить Россию к миру, и что народ, столь великодушно пожертвовавший имуществом своим, согласится потом, принять постыдные для него предложения на дымящихся развалинах своей столицы.

Но возвратимся к нашему предмету: французы, изгнанные пожаром из Москвы, расположились в окрестностях оной. Солдаты одеты были в различное платье награбленное ими в столице. Лагерь походил на странное торжище, где всякий солдат, превратившись в купца, продавал по низкой цене вещи самые дорогие. Стоя в открытом поле, будучи подвержены суровостям непогоды, они ели на фарфоровой посуде, пили из серебряных покалов; одним словом (88) имели у себя все, что только роскошь изобрела для удобнейшей жизни. Но под наружностью изобилия скрывалась крайняя бедность. Огородные овощи найденные в Москве были уже съедены; скот при Армии находившийся пал от недостатка фуража, и французы не имели ни хлеба, ни мяса, между тем как столы их покрыты были сахарными закусками и разными винами. Разстроенные силы их, не позволяли им делать никаких важных покушений против Россиян. Удаленные от пределов своих, лишены они были всех пособий; продовольствие их день ото дня становилось затруднительнее, до того, что

напоследок принуждены были употреблять в пищу лошадиное мясо. Французская Армия со всех сторон окружена была партиями Российских легких войск, отрезывавших ей всякое сообщение; все подвозы и курьеры перехватываемы были оными.

(89) Фуражиры их, отправлялись не иначе как под сильным прикрытием, но невзирая на то всегда преодолеваемы были нашими легкими войсками. Редко проходил день, в который не приводили в Российский лагерь 300 человек и более. Французские Корпусы, для удобнейшего продовольствия слишком удаленные один от другого, не в состоянии были сопротивляться с успехом сим частным нападениям, которые неприметным образом изтощая их Армию, приготовляли ей столь плачевную участь. Самые крестьяне Российские, ожесточенные насильствами Французов, вооружились против них: горя любовней к Отечеству и мщением к неприятелю, они устраивали между собой ополчения. На возвышенных местах и колокольнях ставили часовых, которые завидя неприятеля ударяли в набат. При сем знаке, крестьяне нескольких соседних деревень собирались вместе, с отчаянием нападали (90) на неприятеля и не сходили с места битвы, не одержав победы.

Таким образом, французы, для получения продовольствия, принуждены были всякий день вступать в новый бой, всегда для них невыгодный, тем более что в таком удалении от отечества своего, самая малая потеря была для них весьма чувствительна.

Между тем, как Французская Армия изтаивала, в окрестностях Московских, Российские войска в стане своем при Тарутине, пребывали в совершенном спокойствии. Полки пополнялись вновь набранными войсками, Конница оправлялась от трудов прежнего похода, и не было ни в чем недостатка, ибо жители окрестных мест наперерыв старались снабжать Армию потребностями всякаго рода. Большие дороги к ней ведущия, покрыты были подвозами из хлебобобнейших губерний, (91) близ коих Армия расположена была. Больные и раненые, находясь между родных и соотечественников своих, получали всякие пособия, каких только от единокровных и друзей ожидать можно. Ежедневно прибывали к Армии выздоравливающие офицеры и солдаты.

Наполеон, стесненный со всех сторон легкими войсками российскими, в намерении высвободиться из затруднительного положения своего. Ему не лъзя было идти на Петербург не притянув за собою Российскую Армию и не подвергаясь совершенной гибели чрез потерю последнего сообщения своего с Польшею. Углубиться еще далее в Россию, он также не мог, ибо чрез то пришел бы еще в большую слабость и еще более удалился от своих пособий. Недосток продовольствия, а вместе с оным и неудовольствие войск день ото дня увеличивались. (92) Французы соскучили уже войною: они не видели ни малейшей надежды к миру обещанному им Наполеоном, и непреклонность Россиян приводила их в уныние. Бонопарте, всегда упорствовавший против затруднений и пристрастный ко всему чрезъестественному, как будто для того только оставался в Москве, что угрожали ему изгнанием из оной, и думать принудить Россиян к миру, показывая вид, что хочет зимовать в развалинах сей столицы. Вместо того, чтобы самому объехать Корпусы Армии своей и лично удостовериться в опасности своего положения, он заперся в Кремле и делал смотры войскам при нем бывшим; может быть в надежде обмануть Россиян наружным блеском, и тем скорее принудить их к принятию мирных условий, которые предлагал он Кутузову. В таком положении находились дела, как вдруг получил он нечаянное известие (93), что сильный Авангард его из отборных войск составленный, под начальством Короля Неаполитанскаго, разбит при речке Чернигиной, неподалеку от Тарутина. Это был громовой удар рассеявший все приятные мечтания Наполеона заключить мир с Россиею в самой Москве. Тогда заметил он, уже несколько поздно, что время было удалиться из сего Города, но выходя из онаго, в бешенстве своем приказал взорвать Кремль, дабы разрушить то, что пощажено было самим пламенем.

Наполеон хотел отступить не по той дороге, по которой пришел, ибо оная совершенно опустошена была его войсками (намерение его было открыть себе возвратный путь чрез хлебобобныя, южныя Губернии наши, для чего и резервным войскам своим, находившимся в окрестностях Смоленска, дал он повеление идти к Калуге, чтобы в сем городе соединиться с Главною Армиею). Сражение при Малом Ярославце доказало ему невозможность сего предприятия. Россияне сражались с такою храбростию, что отняли у него последнюю надежду к успеху, и французы принуждены были возвращаться в Польшу чрез места (94) им же раззоренные. При самом начале сего несчастнаго отступления, худое состояние подъемных лошадей заставило французов сомневаться в возможности увезть богатства, награбленный ими в Москве. Совершенный недостаток съестных припасов страдания усугублял их: найденныя в

Москве приходили уже к концу и каждый не хотя поделиться с товарищами удалялся в сторону, чтобы украдкой съесть кусок хлеба, который удалось ему себе примыслить. Полусгнившая солома, срываемая с крыш крестьянских домов, составляла единственный корм лошадей, которые целыми сотнями падали от изнурения и усталости. Каждый день, Артиллерия принуждена была уменьшать число своих зарядных ящиков, взрывая их на воздух. Наполеон, в безразсудной ярости своей, приказал Гвардии изстреблять все встречающееся: солдаты столь охотно (95) ему повиновались, что жгли даже селения, назначенные для ночлега войскам за ним следовавшим; а сии изстребляя в свою очередь ос-тальные дома уцелевшие от пожара, не оставляли ариегарду своему ни малейшего убежища, где бы могли люди укрыться от непогоды. Передрогнув от ненастья, они охотно ложились отдыхать на горячем пепле домов накануне сожженных.

Козаки, неослабно преследовавшие французов, ежедневно делали на них нападения. Пользуясь беспорядком при каждом появлении их производившим, французские солдаты, приставленные к обозу при^а свайвали себе вещи, порученные им на сохранение. Воровство и без-совестность сделались столь общими по всей Армии, что офицеры находились во всегдашней опасности быть ограбленными от своих подчиненных, которые (96) нарочно делали ложные тревоги, дабы пользуясь смятением от того происходящим, похищать вещи заранее ими примеченные. С приближением французов к Дорогобужу погода вдруг перемешалась: пошел снег с сильным ветром. Солдаты без одежды, обуви и изнуренные голодом, равнодушно смотрели на товарищей своих, которые падая подле них умирали на дороге. С того дня, французская Армия потеряла вид устроенного войска. Солдаты перестали повиноваться офицерам; а сии начали убивать своих Генералов. Французы рассыпались в обе стороны большой дороги, ища себе продовольствия, грабя и предавая пламени все попадающееся им на встречу. Вскоре, отдельные партии сии атакованы были крестьянами, вооружившимися для отмщения за бедствия причиненныя им неприятелем. Козаки, присоединились к ним на помощь опять сгоняли на большую дорогу французов, спасшихся от ярости (97) поселян, пренебрегая брать пленных.

В таком состоянии находилась французская Армия, когда прибыла к Дорогобужу. Малый городок сей возвратил б жизнь многим несчастным, естлиб гнев не ослепил Наполеона, который приказал зажечь город забыв, что Войски его первые пострадают от сего опустошения. Дорогобуж был сожжен, магазейны разграблены Императорскою Гвардию, и водка текла по улицам, между тем как прочие Корпуса Армии умирали от недостатка продовольствия. Небольшое число домов уцелевших от пожара, заняты были исключительно Генералами и Офицерами; солдаты, сохранившие еще столько сил, что могли владеть ружьем, должны были удерживать Россиян, будучи сами подвержены всей суровости климата, о коем (98) до того времени не имели они никакого понятия; между тем, как люди отставшие от команд и полков своих не находили себе места даже среди биваков. Всякой может представить себе ужасное положение сих несчастных: истощенные голодом, они с жадностию бросались на мертвую лошадь и дрались между собою за каждый кусок падали. Измученные непрерывным походом, безсонницею, холодом и не находя дров для разведения огня, они насильно зажигали дома занимаемые офицерами и грелись около пламени. Лошади французские не подкованные по-зимнему, не в состоянии были везти Артиллерию по дорогам, прокрытых гололедицею: по сей причине, множество орудий и повозок были брошены. Тогда солдаты начали явно грабить собственные свои обозы. Дорога была покрыта чемоданами, платьем и бумагами. (99)

Офицеры спешили класть на вьючных лошадей лучшие вещи свои; но едва лишь объявлял кто-либо намерение свое оставить повозку, как она делалась добычею солдат, которые, не давая хозяину время выбирать вещи по его желанию, грабили повозку, хватая преимущественно съестное и крепкие напитки.

Французов все еще поддерживала надежда, что по приходе в Смоленск найдут они там конец своим бедствиям; ибо у них по Армии носился слух, что город сей, изобильно снабжен припасами всякаго рода. Но прибыв туда они увидели, что все обещания, сделанные им были тщетны, и что не было принято надлежащих мер для освежения Армии. Одной только Императорской Гвардии выданы были порции: прочие солдаты умиравшие с голоду и приведенные в отчаяние медленностию раздачи, разграбили магазейны.

Выходя из Смоленска, (100) Наполеон приказал сжечь город, но быстрое преследование Россиян не* позволило французам совершенно его исполнить.

Между тем, Россияне от самого Малаго-Ярославца не упускали из виду французов: Козаки Генерала Платова и Авангард под командованием Генерала Милорадовича преследовали

Ариегард их, и частыми нападениями старались задерживать оный, в то время как Главная Армия фельдмаршала Кутузова скрытно преследовала французов параллельными маршем и находилась у них с боку, между тем как они полагали ее далеко назади. Искусное движение сие, почти единственное в летописях войны прикрито было сильными отрядами легких войск, которые следуя между Кутузовым и французами, не давали покоя сим последним, во все время их отступления.

Наконец под Красным (101), Кутузов успел преградить путь большей части Армии Наполеоновой и совершенно разбил ее в двух сражениях. Французы, бросив Артиллерию свою и обозы поспешно отступили к Борисову, не доходя коего присоединились к ним Корпусы Маршалов Удино и Виктора, которые, оставаясь в Белоруссии действовали против Российской Армии Генерала Графа Витгенштейна. Силы Наполеона снова возросли до 70 тысяч человек. Теперь, можно бы было окончить войну одним ударом: надлежало только воспрепятствовать уходу французов в Польшу, не допустив их переправиться чрез реку Березину. На сей конец, 30-тысячная Российская Армия под начальством Адмирала Чичагова занимала правый берег реки, наблюдая все переправы чрез оную. Силы сии недостаточны были для удержания Французов: (102) Приведши Российскаго Генерала в недоумение разными движениями своими, Наполеон успел перейти чрез Березину, однако ж на переправе потерял до 30-тысяч человек и весь обоз при нем бывший с вещами в Москве награбленными. После сего, отступление Французов превратилось в совершенное бегство. Гордый завоеватель потерял области российские, захваченным им еще с большей скоростью, нежели покорил оныя. Из 400-тысячной Армии осталось у него не более десятой части безоружных солдат, покрытых лохмотьями и даже сырыми кожами с упалых лошадей. Наполеон, утраченный толикими несчастьями, а еще более того, опасаясь потерять верховную власть свою во Франции, и чтобы союзники его в Германии, узнав совершенно настоящее положение дел не разорвали тягостный договор подвергнувший (103) их владычеству его, бросил остатки Армии своей среди лесов Литовских, и под чужим именем бежал во Францию для истребования новых жертв от Сената ему раболепствовавшего.

Доселе присутствие Наполеона удерживало еще начальников войск при их должности, но пагубный пример вождя неминуемо долженствовал подействовать и на сотрудников его. Большая часть Генералов и Полковников, без стыда и совести бросили остатки бригад и полков, им вверенных, а солдаты, лишены начальников начали оставлять Знамена, которые защищать присягали, и сами, истребив их, зарывали в Землю, дабы не остались они Россиянам. Между тем, холод день ото дня становился сильнее, и французы тысячами замерзли на дороге. Коль скоро солдат, изнемогший от усталости падал на землю, то ближайший из товарищей с жадностию (104) бросался на него, и прежде нежели сей испускал дух, срывал с него одежду, дабы самому прикрыться оною. Опасаясь замерзнуть, французы зажигали целыя дома, но, желая греться из близости и, не имея сил бежать, когда огонь разпространялся, сами делались жертвою пламени. Многие из сих несчастных, закопченные дымом и покрытые кровью лошадей ими пожранных, подобно теням скитались вокруг пожара, разематывали трупы товарищей своих, и падая возле них таким же образом умирали. Несчастье сравнило все состояния: тщетно начальники хотели употреблять власть свою; никто им не повиновался. У кого было съестное, тот окружен был толпою ласкателей, коих голод побуждал забывать и чин, и достоинство свое. Офицеры, не могли возбудить сострадания в них, которые прежде сего им повиновались; (105) Но положение Генералов привыкших начальствовать, было еще и того достойнее сожаления: все убивали их, чтобы не быть принужденными оказать сим какую-нибудь услугу.

От самой реки Березины, Россияне преследовали по пятам неприятелей, и неоднократно отрезали Ариегард их. Вся дорога покрыта была французскими солдатами, потерявшими даже подобие человеческого, и коих Козаки пренебрегали брать в плен. Одни потеряли слух, другие язык, а иные пришед в сумашествие от чрезмерной стужи и голода, жарили на огне мертвых товарищей своих, чтобы сожрать их, или грызли собственные свои руки. Те, которые сохранили еще остаток бодрости, шли в ужаснейшем беспорядке, не зная куда идут и, останавливаясь для ночлега там, где усталость к тому их принуждала.

(106) В таком состоянии прибыли они в Вильну, где надеялись найти себе отдых и продовольствие, но едва лишь вступили в сей город, как гром пушек возвестил им о приближении Россиян. Видя тщетность надежды своей, французы вышли из Вильны, пользуясь ночным временем, но будучи горячо преследуемы Козаками по дороге в Ковну, потеряли остальную обоз свой, заблаговременно из Москвы отправленный, а вместе с ним утратили не

только остатки вещей награбленных ими в России, но и все то, что привезли с собою из Франции и Германии. Из всей страшной Армии Наполеоновой, не более 20 тысяч человек успели уйти за реку Неман, две трети оных оставались в Польше в течение сего похода, и не видали стен московских.

Таковы были бедствия изстребившая сильную Армию, которая задолго перед тем была ужасом Европы: менее нежели в шесть месяцев безумие и ослепление одного человека (107) погубили цвет юношества Франции, Италии, Германии и Польши. Наполеон, не довольствуясь тем, что обладал лучшею половиною Европы, захотел покорить еще и Россию, столь хорошо защищаемую самою обширностию своею. Ограбив Италию и Германию, он захотел овладеть так же и сокровищами столицы Царей Российских, и потому умыслил самое высокомерное и безразсуднейшия из всех предприятий.

Разкрыв бытописания найдем, что со времен похода Камбиза, Царя Персидскаго против Скифов, никогда еще армия столь многочисленная, какова была Наполеонова, не претерпела таких ужасных злоключений. Нельзя в том сомневаться, чтобы неповиновение и грабительства не были первою причиною сих несчастий, ибо они то ожесточили сердца мирных (108) поселян против французов и лишили их тех пособий, которые при лучшем обращении с обывателями, они могли бы получить от них.

Дерзостная неосмотрительность военных действий Наполеона, произведенных против всех правил науки, увеличила сии бедствия, а суровость климата, голод, нужда и меч России довершили изстребления французской армии.

Великая перемена в политических соотношениях Европейских держав, была неизбежным следствием столь скорого падения французов. Наполеон не мог иметь верных союзников: все они уже устали жертвовать ему народом и сокровищами своими, и с нетерпением ожидали удобнаго случая свергнуть с себя тяжкое иго подданства, которое он прикрывал названием Рейнскаго союза. Дружественный трактат, соединивший Россию с Великобританией и Швециею, представлял всем соседственным державам надежную подпору. Король прусский, первый прибегнул (109) к оной, не взирая на то, что Наполеон владел не только крепостями прусскими, но даже столицею и всеми большими дорогами. Таково было начало общаго Союза Европейских держав, который в столь короткое время составил и перевесил могущество Наполеона. Но первою причиною сего переворота было великодушие Императора Александра I.

Не взирая на то, что Пруссия и особенно поляки, держались стороны Наполеона и сражались против Россиян, Милосердный Монарх повелел войскам своим поступать с Пруссиею и Польшею, как с Землями Союзными, а не неприятельскими. Добрый Порядок и строгая Дисциплина, наблюдаемые Россиянами, вскоре ободрили обывателей, которые, видя, что не делают им никаких обид и притеснений, и будучи обнадежены в личной безопасности своей, спокойно оставались в жилищах, чрез что самое Войски Российские получили от них всякие пособия (110) и не терпели ни в чем недостатка. Скорее, нежели в 4 месяца, театр войны перенесен был от Днепра и Двины на берега Одера и Эльбы. Россияне, быстро преследовавшие слабые остатки французской Армии, очистили от неприятеля всю страну между сими реками лежащими, кроме крепостей занятых французскими гарнизонами.

По соединении Россиян с Пруссаками, союзныя Армии переправились через Эльбу и подвинулись к реке Саам; ибо занятие Саксонии весьма важно было для успешнаго освобождения всей Германии. Союзные Монархи не хотели нарушить право Государей: они надеялись, что кротостию и убеждением более успеют, нежели Силою; но Король Саксонский, удалившийся в Австрийские Владения, остался преданным Наполеону и слепо доверенностию полагался на коварныя обещания сего опустошителя своего (111) государства.

От того произошло, что движение союзников в Саксонию не принесло никакой пользы, и между тем, как жители северных областей Германии ожидали только перваго знака, чтобы вооружиться против французов, саксонцы отказались возстать против них, без повеления своего Государя.

Российская Армия, от самой Москвы почти безостановочно преследовавшая французов, не могла еще получить никаких подкреплений: напротив того, подвигаясь в перед, она принуждена была употребить целые корпуса войск для обложения крепостей в тылу у Нея оставшихся и наблюдения за Польскими войсками удалившимися в Краков, к Границе Австрийской.

Сверх того, она должна была еще оставлять отряды во многих городах польских, для обезпечения сообщения своего с Россиею. Правда, что присоединение Пруссаков (112)

доставило великую помощь Россиянам, но пособие сие состояло в будущем содействии: Прусская Армия не в состоянии еще была произвести великих усилий потому, что вследствие Тильзитского мира Наполеон не позволял Пруссии держать на лицо более 45 тысяч человек, а новые Войски не успели еще собраться. По сим причинам, действующие силы союзников не превышали 100 тысяч человек, между тем как Наполеон собрал во Франции новую Армию, устремился против них со 170 тысячами войска. Воспоследовало сражение при Люцене, которое не было решено ни в чью сторону: но Король Саксонский отдал Наполеону важную крепость Торгау, и союзники, опасаясь потерять сообщения свои с Силезию, отступили за реку Эльбу. Под Бауценом, они принуждены были уступить многочисленности французов поле сражения, не потеряв однакож ни пленных, (113) ни артиллерии, и медленными шагами удалились к Швейдницу, в намерении ожидать там подкреплений и следствия переговоров начатых уже с Австриек». Между тем, Шведы сделали высадку в Померанию, и на севере Германии, в окрестностях Берлина, собралась новая армия против французов.

Наполеон вошел в Силезию по следам союзников, но едва вступил в сию землю, как Российские и Прусские партизаны начали перехватывать подвозы идущие к его Армии. Тогда он заметил, что зашел с лишком далеко, что положение его начинало походить на то, в коем он находился в 1812-м году под Москвою, и что движение союзников на Швейдниц было только повторение марша Князя Кутузова от Москвы к Тарутину. Будучи угрожаем нападением на фланг, опасаясь потерять сообщения свои с Франциею, и к тому потерпев еще великий урон в сражениях при Люцене и Бауцене, он поспешил искупить безопасность свою перемирием, несравненно выгоднейшим для союзников, (113) нежели для него самого, ибо вооружения в Пруссии не были еще окончены, а Россияне ожидали к себе подкреплений и особенно военных снарядов. Австрия, с самого вступления Россиян в Польшу объявившая себя нейтральною, колебалась еще пристать к союзникам, хотя и чувствовала всю пользу, которую получить могла. Держава сия изъявила желание свое успокоить Европу, доставив ей прочный мир, и приняла на себя посредничество между обеих воюющих сторон.

Начались переговоры о мире: Наполеон с ребяческим упорством отвергнул все условия ему предлагаемые (он объявил, что не уступит ни одной деревни из завоеваний своих, хотя бы союзная армия стояла на высотах Монмартра, при вратах Парижа. Провидение непостижимыми путями ведущее его к погибели определило, чтобы спустя восемь месяцев, союзники действительно заняли высоты Монмартра, и тогда они нашли Наполеона столь же унывшего и покорного, сколько высокомерен он был при малейшей удаче) и хотел удержать присоединенным к обширной империи своей народы, коих нравы (115), Законы и язык совершенно различные были от французских. Общественныя бедствия, уничтожение промышленности и торговли, вид невозделанных полей, изтощение всех способов, ничто не могло преклонить его. Уроки несчастья и Истории не могли превозмочь его славолубия. Он хотел наполнить Вселенную громом своего имени, и провидение, во гневе своем, как будто наложило повязку на глаза его, ибо он уверен был, что Франция неизтощима и доставит ему новые Армии и новыя сокровища, для вторичнаго покорения Европы. Пользуясь временем и способами, которое доставляло перемирие, союзники неусыпно старались о восстановлении Армий своих от разстройства, которое потерпели они от войны уже целый год продолжавшейся. Российская Армия, получившая (116) значительные подкрепления сделалась гораздо многочисленнее, нежели была при выступлении за Границу (Действующая Армия российская в Силезии и Брандербургии, при начале перемирия состояла из 82 тысяч, а под конец онаго возросла до 172 тысяч человек).

Войски отдохнули от трудов прошедшаго похода и снабжены были мундирами и оружейными вещами; Кавалерия и Артиллерия привели лошадей своих в наилучшее состояние; обозы были исправлены, а запасные артиллерийские парки совершенно оскудевшие в снарядах, наполнены оными. Прусская армия, с равным же успехом воспользовалась перемирием. Она удвоилась в числе людей Земским ополчением, набранным и устроенным в течение сего времени, снабжена была достаточно всеми военными потребностями, и во всех частях приведена в наилучшее состояние.

Одним словом, союзная (117) армия получила новую силу и пришла в совершенную готовность снова явиться на поприще славы, с уверенностию в успехе.

Сии плоды перемирия принесли, наконец еще важнейший (результат): умножение и устройство союзных армий и непреклонность Наполеона к миру, побудили Австрию приступить к великому союзу Европы против дерзкаго честолюбца. Таким образом, союзники чрез перемирие приобрели несравненно большие выгоды, нежели Наполеон чрез успехи свои в

сражениях при Люцене и Бауцене.

По соединении Россиян и Пруссаков с Австрийцами, война снова возгорелась: Союзники делают покушение на Дрезден в намерении отвлечь Наполеона из Силезии в Саксонию, и тем споспешествовать фельдмаршалу Блюхеру одержать победу над французскою Армиею, при Коцбахе. Отступление союзников от Дрездена в Богемию, приводит Наполеона (118) в такую Безпечность, что желая поскорее выручить Армию свою разбитую в Силезии, он оставляет без подкрепления сильный корпус посланный им в Богемию, который и истреблен совершенно при Кульме. Другие две Армии его, еще многочисленнейшия, одна за другую устремляются на Берлин, и претерпевают двукратное поражение от северной армии Германской, в сражениях при Гросс-Беерене и Денневице. Французы, изнуренныя беспрестанными переходами в перед и назад, претерпевают уже недостаток в продовольствии. Несмотря на то, что Наполеон, вопреки советам Генералов своих, упорствует держаться на Эльбе, и остается в Саксонии, опустошенной его войсками. Будучи окружен тремя союзными армиями, он мнит еще удержать целой Германии, возставшей против владычества его.

(119) Наконец, союзники производят решительное движение; для соединения Армий своих в тылу Наполеона, что и побуждает его удалиться от Эльбы.

Тогда он должен был сражаться не для победы, но для свободнаго отступления. Будучи атакован соединенными силами союзников, он претерпевает совершенное поражение на полях Лейпцигских (перед Лейпцигским сражением, Наполеон имел 280 тысяч войска и более 900 пушек: после сражения осталось у него только 100 тысяч человек и 300 орудий артиллерии).

Германские и Польские Войски толпами оставляют его знамена; прежние союзники его, против него же самого обращают оружие, и Германия возвращает прежнюю свободу свою. С того дня исчезла военная слава Наполеона. В один поход, он потерял плоды толиких подвигов; цену крови стольких миллионов людей. Армии его, в течение толикаго числа лет бывшая бичем Германии и всей Европы; Армии, которыя повсюду оставили столь ужасныя следы (120) присутствия своего, принуждены спастись скорым бегством.

Союзники преследуют их неослабно. Отступление Наполеона к Рейну было почти столь же бедственно, как и отступление из России: болезни, побеги и частая сшибки, в коих французы беспрестанно теряли пленных, уменьшили его Армию еще до 60 тысяч человек и 160-ти орудий.

Дороги, покрытыя трупами и умирающими показывали союзникам путь, по которому надлежало им следовать. Но чтобы достигнуть Рейна, неприятель должен был еще пробиваться сквозь Баварско-Австрийскую Армию, вознамерившуюся преградить путь побежденным. Ганау, соделывается для французов новою Березиною: одной только храбрости войск и искусству Генералов, Наполеон обязан спасением своим, или по меньшей мере безпрепятственным бегством до Майнца, где он укрывается за Рейном. Таким образом, поход 1813 года окончился (121) совершенным истреблением страшной Армии, которая приводила в трепет Европу (в течение сего похода Наполеон потерял более 300 тысяч человек и 900 орудий).

Невозвратные потери Наполеоном понесенныя, обратили в дым намерение его основать всемирную монархию. Изчислив способы у него оставшиися, он увидел, что, потеряв Германию, вскоре должен будет потерять также и верховную власть во Франции, и с того времени не умел более ни весть войны, ни заключить мира.

Между тем, союзники освобождают Голландию, и главная армия их приближалась к Рейну, располагается в окрестностях Франкфурта. Все владельцы Германии, прежние союзники, или справедливо сказать данники Наполеона спешат разторгнуть тяжкие узы, связывающие их; даже те, которые могуществу его обязаны разпространением своих владений, отказываются от утешительнаго (122) покровительства его, и предлагают союзным Монархам содействие и Войски свои. Не ослепляясь быстрыми успехами увенчавшими оружие их, союзники желают мира; все народы воздыхают о сем даре небес: один только Наполеон противиться благоденствию Европы. Не внимая гласу устрешенной Франции, он с надменностию отвергает предложения о мире ему сделанныя, и тем упускает последнее средство оставшееся ему, чтобы удержаться на престоле. Союзные Монархи справедливо раздраженныя неумесною упорностию Наполеона, повелевают войскам своим перейти за Рейн, и в то же время обнародывают воззвание к французам:

«Мы ведем войну не против Франции, говорят они, но против правительства вашего покусившегося разпространить владычество свое на всю Европу. Градоначальники, помещики, землепашцы, оставайтесь спокойно в жилищах ваших! (123) Соблюдение общественного

порядка, неприкосновенность к собственности частных людей и строжайшая Дисциплина, ознаменуют прохождение и пребывание в Земле вашей Союзных войск, чуждых духа мщениа. Советом Союзных Монархов управляют правила и виды совершенно противоположные тем, которые вели к нам Войски ваши. Слава союзных Государей, будет состоять в том, чтобы положить конец бедствиям Европы. Единственная цель их, завоевание прочного мира, который бы действительно обезпечил спокойствие союзных держав, самой Франции и всей Европы. Мы надеялись получить его, не касаясь Земли вашей, теперь идем искать его в самой Франции».

В исходе 1813-го года, союзники вступили во Францию. Перед самым переходом за Рейн, Император Александр отдал Российским войскам (124) следующий достопамятный приказ;

«Воины! Мужество и храбрость ваша, привели вас от Оки на Рейн. Они ведут нас далее: Мы переходим за оный, вступая в пределы той земли, с которою ведем кровопролитную жестокою войну. Мы уже спасли, прославили отечество свое, возвратили Европе свободу ея и независимость. Остается увенчать великий подвиг сей желаемым миром; да водворится на всем земном шаре спокойствие и тишина! — да будет каждое царство под единою собственною правительства властью и законами благополучно! да процветает в каждой земле, ко всеобщему благоденствию народов, вера, язык, науки, художества и торговля! Сие есть намерение Наше, а не продолжение брани и разорения. Неприятель вступав в середину Царства нашего, нанесли нам много зла, но и претерпели (125) за оное страшную казнь. Гнев Божий покарал их. Неуподобимся им. Человеколюбивому Богу не может быть угодно без-человечие и зверство; забудем дела их; понесем к ним не мечь и злобу, но дружелюбие и простертую для примирения руку. Слава Россиянина, низвергать ополченного врага, и по исторжении из рук его оружия благодетельствовать ему и мирным его собратьям. Сему поучает нас. свято почитаемая в душах наших православная Вера; она Божественными устами вещает нам: любите враги ваша и ненавидящим вас творити добро. Воины! Я несомненно уверен, что вы кротким поведением своим в Земле неприятельской, столько же победите великодушием своим, сколько оружием, и соединяя в себе храбрость воина против вооруженных с благочестием (126) Христианина против безоружных, довершите многотрудныя подвиги свои сохранением приобретенной уже вами славы мужественного и добронравного народа. Вы ускорите чрез то достигнуть конца желаний наших, всеобщего мира. Я уверен также, что начальствующие над Вами не оставят взять нужных для сего и строгих мер, дабы несогласный с сим поступки некоторых из вас не помрачили к общему вашему прискорбию того доброго имени, которым вы доселе по справедливости славитесь».

Ожидание человеколюбиваго Монарха не осталось тщетным: Россияне, кротким обращением своим с жителями Франции, показывали пример союзным войскам, и вскоре самый опыт показал пользу происходящую от наблюдения строгой дисциплины в Земле неприятельской.

Наполеон тщетно разсылал по всей Франции ложныя известия о грабительствах и опустошениях, будто бы производимых союзниками, в намерении возбудить против них весь народ. Он надеялся, что страсть мщениа за насильства причиненныя французскими войсками в чужих землях, побудит все Города Франции к упорному сопротивлению, но обманулся в расчетах своих. При появлении союзников, одни только Земские чиновники удалялись из Городов и селений, ибо жители отказывались защищать оныя не смотря на все представления военных начальников. Тщетно посланныя Наполеоном покушались вооружить народ, внушая ему недоверчивость противу союзных Держав. Видя повсеместное отступление французских войск, жители Франшконтэ, Альзаса и Лотарингии чувствовали бесполезность всякаго сопротивления.

К тому же, союзныя Монархи освободили их от тягчайших податей платимых ими своему правительству, а кроткое обращение союзных войск, заставило их оставаться в покое, не принимая участия в борьбе, которую почитали они касающеюся до одних войск. Во многих городах, союзники приняты были как избавители, и повсюду жители добровольными приношениями спешили предупреждать насильственные поборы, который законам войны позволяются иногда делать. Таким образом, союзники пользовались уже всеми выгодами, которые прежде сего французское правительство получало от богатых и хлебоборных провинций у него завоеванных. Способы союзников умножались, по мере того как Франция все более и более теряла пособия свои в деньгах, людях, продовольствии.

(129)Между тем, Наполеон собрал сильную армию при Шалоне на Марне, дабы из сей центральной позиции препятствовать соединению Союзников, которые по переходе чрез Рейн в разных местах, взяли сосредоточенное направление на Париж. Начались кровопролитныя

битвы: от великаго стечения войск, от безпрестанных переходов в зад и в перед, произошло неизбежное разорение страны. Несчастные поселяне много потерпели от союзников, но еще более от соотчичей своих. Чтобы привязать к себе солдат и терпеливо сносить труды военные, Наполеон позволял им грабить в чужих Землях. Теперь он пожинал плоды варварской политики сей в собственном Государстве. Он видел неприятеля в недрах Франции, и лучшие области его подвержены были всем бедствиям, которые война неминуемо влечет за собою, и которые еще усугубляемы были грабежами и (130) неповиновением собственных его войск. Жители, приведенныя в отчаяние не знали, кого почитать врагом Франции, союзников, или армию Наполеона? Французы спасались бегством от французов и наконец безпорядки зделались столь велики (между прочим случилось, что Наполеон прибыл в город Понсюр-Сен, где находился замок его матери, весьма негодовав, видя разбитая Зеркала и разломанный мебели. «Который из неприятельских Корпусов осмелился сделать сие опустошение»? — спросил он с гневом. — «Отряд собственной Гвардии Вашей, с досады, что не нашел в городе съестных припасов». Наполеон замолчал.), что для прекращения оных, Наполеон принужден был объявить в дневном приказе войскам: «Император изъявляет недовольство свое Армии за безпорядки, коими она предается. Таковыя безпорядки, во всяком случае достойные порицания, делаются величайшим преступлением, когда производятся в собственной Земле своей. Ответственность за сии безчинства возлагаются на корпусных начальников (131) и прочих Генералов. Жители везде бегут, и Армия долженствующая оборонять страну, становится бичем оной».

Наполеон всеми образами старался принудить Париж к вооружению, в намерении пожертвовать сим Городом, но тщетно. В начале революции, когда все умы находились еще в изступлении, можно бы было надеяться на упорное сопротивление большей части черни парижской, но под правлением Наполеона дела совсем переменялись: простой народ опасались вооружать, а достаточные фаждане не имели желанья сражаться за похитителя престола. Союзныя Государства, с своей стороны, не имели намерений войти в Париж вооруженною рукою; они не хотели неуместными угрозами, или неблагоприятным нападением раздражать народ и без того уже подстрекаемый приверженцами Наполеона. На сей конец, они вознамерились прежде оттянуть (132) Французскую Армию от столицы, а потом уже устремиться на оную. Наполеон не замедлил впасть в сеть ему разставленную. Несколько частных побед, одержанных им над отдельными Корпусами союзников, до такой степени возгордили его, что он возмечтал учинить с ними под Парижем то же самое, что Кутузов сделал с ним под Москвою.

Он заходит в тыл к союзникам в намерении пресечь сообщение их с верхним Рейном, и чрез то принудить их к поспешному отступлению, забыв, что тем самым открывает путь к Парижу. Пользуясь неосторожным движением сим, союзники оставляют против Наполеона Корпус Кавалерии, и со всеми силами своими устремляются прямо на столицу Франции. На пути своем встречают они Корпусы Маршалов Мармонта и Мортье, идущие вслед за Главною Армиею своей (они прикрывали артиллерийский парк, и большой подвоз запасов всякаго рода, к Армии Наполеоновой назначенный) и разбивают их совершенно при Фер-Шампеноазе. Остатки (133) сих Корпусов, быстро преследуемые союзниками, отступают к Парижу. Будучи подкреплены множеством резервных отрядов старой Гвардии и прочими войсками, какие только в окрестностях Парижа собрать, было можно, они разположились впереди сея столицы, в укрепленной позиции. Не взирая на отчаянное сопротивление французов, союзники очищают себе путь оружием и занимают высоты Монмартра. Не оставалось уже никаких препятствий до врат Парижа и разорение сего Города казалось неизбежным, как вдруг магистрат онаго прибегнул к Милосердию союзных Государей. Александр, только и ожидал сего знака покорности, чтобы прекратить пролитие крови и дать отдых человечеству. Он остановился среди победы, дабы не окровавить Лавров своих. При гласе Ега, Россияне и Пруссаки забывают мщение, хотя еще в свежей памяти (134) содержали ужасные насиль-ства и грабежи причиненныя французами в России и Пруссии. Великодушный Монарх даровал Парижу честную капитуляцию, освободив, сей город от воинскаго постоя и прочих тягостей неразлучных с войною, и еще в первый раз победа неприятелей соделалась благодеянием для побежденных. На другой день был торжественный въезд союзных Государей в столицу Франции, при радостных восклицаниях жителей оныя. Можно сказать, что это было торжество всей Европы, на коем все народы сея части света имели своих представителей. Доброе согласие не замедлило соединить обе враждующие стороны.

Люди, которые накануне были неприятелями, казались старыми союзниками, по взаимной

доверенности их одного к другому. Многолюдный Париж походил на великое семейство разстроенной одним коварным человеком и опять (135) примирившееся, коль скоро злодей был изгнан. С давнего времени французы не наслаждались такою свободою, как среди Иностранных Армий. Вскоре за тем, Наполеон, не находивший никаких средств к восстановлению дел своих, принужден был торжественно отречься от престола и отвезен на озов Эльбу, а Лудовик XVIII провозглашен Королем французским.

Окончив со славою сию кровопролитную и единственную в истории войну, союзныя Войски возвратились в свои пределы. Российская Армия, имевшая в сей войне главное участие, показала пред целым светом пример редкаго великадушия, мужества, терпения и храбрости; оправдала надеяния своего ГОСУДАРЯ, и заслужила общую признательность всех народов.

Наступал уже столь желанный всем час всеобщаго Мира, как вдруг получено известие, что враг тишины и спокойствия людей, Наполеон Бонопарте (136), ушел с острова Эльбы и сделал высадку на южный берег Франции. Войски французские, недовольныя миролюбивым расположением Короля своего, не устыдились нарушить присягу в верности ему данную. Они тотчас приняли сторону Наполеона и подняли оружие против законнаго своего Государя, который принужден был искать убежища во Фландрии. С помощью войск, Бонопарте безпрепятственно вступил в Париж, и к вечному стыду Франции чужеземец, коему обязана она всеми бедствиями ее обременившими, опять похитил тот самый престол, от которого за несколько месяцев пред тем сам торжественно отказался.

Бонопарте чувствовал, что, возмутив, едва только наступившее спокойствие в Европе, он обратит на себя всеобщее негодование; что союзныя Государя, коих одно имя его возбуждало к мщению не замедлят принять сторону Лудовика 18, и потому спешил собрать Армию (137), которую увеличил множеством преданных ему старых солдат, находившихся в плену у союзников, и коих великодушие союзных государей возвратило Франции. Не взирая на уверения Бо-нопарта, что он желает быть в мире со всеми державами, союзники слишком хорошо знали коварный нрав его, чтобы хотя минуту могли колебаться. Вся Европа вооружилась, дабы вторично свергнуть с престола человека, возшедшаго на оный посредством Злоумышления, мятежа и измены, и Войски всех Государей Европы двинулись для наказания дерзкаго похитителя и сообщников его.

Между тем, по приказанию Бонопарте, укреплялись все города пограничных департаментов Франции, строились мостовые прикрытия, редуты и делались засеки в дефилях, для умножения (138) припятствий могущих удержать вторжение Союзников. Армия его, начала собираться на северной границе Государства: но уже в недрах отечества своего, французские Войски нарушали дисциплину, которая составляет истинную силу армий и охраняет страны занимаемые оными. Французские солдаты не щадили несчастных соотечественников своих и с крайнею жестокостию обращались с поселянами, хотя сии с величайшим усердием доставляли им все способы продовольствия, какие только в силах были собрать. Войски Бонопарты-вы почитали Грабеж за неоспоримейшее из прав своих и даже поставляли за некоторое достоинство предаваться всяким безчинствам. «Теперь война, говорили они, без нас обойтись не можно, и все нам позволено». В следствие сего разсуждения, они явно предавались необузданной склонности своей к разбойничеству; склонности (139) утонченной 10 годами войны, которая по опустошениям французами принесенным, можно сравнить с набегами варварских народов в страны своих соседей. К стыду Франции, большая часть офицеров весьма слабо противились гнусному грабительству солдат, идаже ободряли оное, говоря с некоторым недовольством: «Для чего нет у нас магазейнов; Солдат не должен терпеть недостатка». Когда же солдат не терпел нужды, то само по себе, разумеется, что и офицер жил в изобилии, и выбирал себе любое из награбленнаго. Вышние начальники, сколь ни благонамеренны были они, не могли воздержатъ безчинства солдат, ибо знали, что Таковыя беспорядки всегда существовали в Армиях предводительствуемых Бонопартом, и что терпимость грабежа была одна из сильнейших средств его привязать к себе солдат и возбудить в них храбрость надеждою добычи.

(140) Внутренность Армии раздираема была своевољством подобным тому, которое извне существовало; казалось, что все корпусы войск ея составляющих питали непримиримую ненависть один к другому, и что между ими была открытая война. Особенно между начальников не было ни малейшаго согласия: Каждый из них, приходя в селение для команды его назначенное, захватывал все для себя одного, не заботясь о тех, который после него в то же селение придут. Они ставили часовых к домам, где можно было найти лучшее продовольствие и отказывались от всякаго раздела, не имея на то инаго права, кроме что успели занять дома

прежде прочих. От сего происходил всегдашний раздор и частыя сшибки, в коих не малое число людей были ранены, и даже убиты.

Императорская Гвардия, в качестве янычаров деспота, весьма высокомерно обращалась с прочими войсками; (141) особенна была ненавидима. Есть ли Гвардия презирала Армейские полки, с которыми она была в сношении, то и сии в свою очередь преследовали и досаждали Гвардию и во всех случаях, когда она была не в таком числе, чтобы предписывать Законы. Различный роды Кавалерии в таком же находились несогласии между собою. Они обижали пехоту грубыми поступками своими; а пехота грозила Кавалерии штыками, оказывая ей крайнее презрение. Таков был дух Армии Бонапартовой, которая на проходе своем к Границам, для покровительства и защиты граждан, привела их в такое несчастное положение, что они не смели уже страшиться присутствия свирепейшаго неприятеля.

Сравним теперь поведение Российских войск с поведением французов: Армия наша, находившаяся в Польше и частию в России, выступила из (142) квартир своих в апреле 1815 года. Проходя чрез германию к реке Рейну, она соблюдала строжайшую дисциплину; по прибытии в Ашафенбург предводитель оная, Фельдмаршал Барклай де Толли отдал приказ, в коем напоминал войскам подвиги их в прошедшую войну, увещевал их сохранять дисциплину в Земле неприятельской:

«Приближаясь к пределам Франции, я должен предварить вас, что все благомыслящие и благонамеренные французы, друзья наши. Мирный и безоружный житель Франции в жилище и собственности своей между вами должен быть столько же безопасен, как в вашем отечестве ваши соотечественники. Одни вооруженные и действующие против вас и союзников наших суть ваши враги и неприятели: их надлежит вам побеждать и истреблять. В прошедшую войну, когда еще живо впечатлены были в (143) каждом из вас все ужасы причиненных в России опустошений, зажигательств, насильств и грабежей; когда дух мщенья не мог еще временем изгладиться в чувствованиях ваших, вы и тогда отличались беспримерною добродетелью щадить безоружных жителей Франции. Теперь, когда они ни в чем невинны, и когда их объятия к вам разпростеры, вы тем паче обязываетесь усугубить сию добродетель, не посягать на обиду и озлобление мирных, невооруженных французов; напротив защищать и покровительствовать несчастныя жертвы, угнетаемая тиранством и властолюбием».

Между тем, как многочисленным Войскам союзников со всех сторон стремились к пределам Франции, Бонапарте успел уже собрать 170-тысячную армию. Намерение его было атаковать и разбить союзников порознь, не давая им соединиться, (144) и для того он немедленно напал на Прусские передовые посты, которые несмотря на храброе сопротивление, принуждены были уступить множеству французов. Бонапарте вступил в Нидерланды. Зажигательство и опустошение ознаменовали проход армии его. Желая воспользоваться плодами перва-го успеха своего, он атаковал при Линьи Прусскую Армию фельдмаршала Блюхера и по жестоком, кровопролитном сражении принудил ее к отступлению. Спустя два дни, он напал при Бель-Альянсе на Английскую армию герцога Веллингтона: сражение было ужасное и победа долго колебалась; но коль скоро Пруссаки присягали на помощь к Англичанам, то Гвардия Наполеонова была истреблена, французы совершенно разбиты и обратились в бегство в крайнем беспорядке.

Сам Бонапарте, бросив армию свою на месте сражения, бежал в Париж, но и там, не почитая себя в безопасности, удалился в Рошефор, где сел на фрегат в намерении уехать в Америку; однакож попался в плен к англичанам и отвезен на остров Св. Елены. Остатки разбитой армии, собравшиеся в окрестностях Лона и Реймса, отступили к Парижу, в намерении защищать сей город. Но что могли сделать 70 тысяч человек против соединенных сил всей Европы, кот-рых с разных сторон стремились к столице Франции? По несколько дневном сопротивлении, весьма беспокоившем жителей парижских, ибо подвергало их неизбежной опасности, французския Войска, видя невозможность устоять против союзников, заключили с ними капитуляцию, вследствие коей отступили к Орлеану за реку Лоару; а Пруссаки и Англичане заняли Париж без всякаго сопротивления.

Но сей раз, раздраженныя союзники поступали уже не с такою уверенностью как в прошедшем (146) году: частая грабежи, разрушения и глас мщенья, казалось предвещали жителям Парижа одно из тех ужасных происшествий, коим ярость людей явила уже многая примеры, как вдруг Российский Император, опередивший Армию свою несколькими переходами поспешно прибыл в столицу Франции.

При Гласе его, страсти утихли; истребление одного из мостов Парижских (моста Венского, построенного Бонапартом в память победы одержанной им над Пруссаками, под Веною в

1806-м году) к чему уже сделаны были все приготовления, отложено; порядок начал возра-навливаться; уничтожение Французов сделалось для них не столь тягостным, и надежда оживила сердца их. Произшествия прошедшего года заставляли их думать, что естлиб судьба позволила императору Александру первому войти в Париж, то покоренная Франция нашла бы в нем более друга, нежели победителя.

(147) Российская Армия, числом до 200 тысяч человек, вошла во Францию по первому известию о начале военных действий, и усиленными маршами спешила к Парижу; но по взятии сего города разположилась по квартирам, занимая часть Альзаса, Лотарингию и Шампанию, до самых врат Парижа. Самая строжайшая дисциплина соблюдаема была Россиянами: начальники доставляли все нужное для содержания войск, отнюдь не допускали излишества и прихотей; строго взыскивали за всякое малейшее нарушение порядка; смотрели за подчиненными, чтобы не делано было обид и притеснений обывателям, и щедростию своею нередко убавляли тягость, неизбежно причиняемую войною. Следствии такого поведения видны из приказа отданного фельдмаршалом Графом Барклаем де Толли в Шалоне на Марне:

«Сохранение Дисциплины и порядка службы, скромное и тихое обращение с жителями (148) и вообще доброе поведение ваше, храбрые воины! Во всех союзных нам Землях и даже во Франции, покрыло вас новым блеском славы, тем драгоценнейшей, что слава сия нераздельно вам принадлежит. Существенная от того польза очевидна: Вы везде все необходимое находили без насилий и вымогательств, после тягостных трудов похода имели отдых ни кем не встревоженный, и за вами всюду следуют похвала, благодарность и удивление. Само провидение благословляет и сохраняет вас. Оно не потребовало крови толь достойных воинов для низложения и уничтожения врага недостойного — и войска, угрожавшая упорством и жестокостию, при сильной помощи всемогущего Бога, наказующаго злых и поборающаго правым, одним ударом союзников почти уже окончена».

(149) Похвальный пример в сем случае поданный Российской Армиею, явил новое доказательство, что во все времена и во всяком месте, хорошее или дурное поведение солдат всегда зависит от начальствующих войсками. Посему, Государь объявил особенную признательность свою Корпусным, Дивизионным и частным начальникам, который усердием своим и попечительностию своею сохраняли дисциплину в войсках, столь достойную подражания всех прочих народов.

В самом деле, неизвестно еще, чем бы окончился поход 1815-го года, естлиб не было во Франции Российских войск. Не все союз-ныя Армии наблюдали дисциплину: будучи рассеяны по всему пространству Франции, они отягощали постоем города и опустошали провинции ими занимаемая, которыя и без того уже несчастными походами 1812, 13 и 14 годов приведены были в крайнюю бедность. Великое число (150) жителей, пришедшее в несостояние удовлетворять требованиям некоторых союзных войск, удалились в леса, дабы избежать жестокаго обращения оных. Такое несчастное положение начинало уже приводить их в отчаяние, и не имея что потерять они готовы были на все отважиться. Тогда непременно произошли бы новые ужасы; война превратилась или совершенным разорением Франции, или погибелью союзных армий. АЛЕКСАНДР чувствовал, что время было помышлять о облегчении участи французов. Причина войны уже более не существовала, ибо Армия Француская обратившись к должности, признала Законнаго Короля своего, который вторично принял наследственный престол Бурбонов.

Император российский, почитая Францию дружественной державой, не хотел продолжить (151) бедствий сего Государства и решился вывести из онаго Армию свою. Желая в самой Франции торжественно объявить войскам благоволение свое за порядок и хорошее поведение ими наблюдаемая, Александр избрал для сборнаго места поля Шампани, на коих происходили последние битвы в течение похода 1814 года.

Малый городок Вертю, между Шалона, Эперне и Бриенна, назначен был Главною Квартирою союзных Государей. 29-го августа произведен был тот славный смотр войскам, коему подобнаго не находим в Истории. Есть ли Армия Российская заслужила похвалу самих неприятелей строгою дисциплиною ею сохраняемою, то еще более удивила их устройством своим и совершенством Маневров. Иностранные Генералы, бывшие самовидцами сего смотра признаются, что не возможно производить движений с большею совокупностию и точностию. В самом деле, вид массы людей столь огромной, (152) какова была Российская Армия, (на смотре при Вертю было 150 тысяч человек; остальные 45 тысяч находились в Лотарингии для блокады крепостей), стройно повинующееся мановению одного человека, было зрелище достойное удивления.

30-го августа, в день Тезоименитства Императора Александра, Российская Армия разделившись на семь корпусов, без оружия и кавалерия пешком, построились вокруг седми олтареи воздвигнутых под наметами, и приносила благодарение Всевышнему за счастливое окончание бедствий столь долгое время тяготивших Европу. Того же дня отдал Армии следующий приказ:

«Измена и коварный замыслы врага всеобщаго покоя, привели вас, храбрые воины! опять на те поля, где с небольшим год, одержали вы победу над неприятелем, и по тяготам его проложили себе путь к Парижу. Благодарение Всевышнему, (153) храбрость ваша всему свету известная, не имела нового испытания. Но, тем не менее, быстрым переходом от Днепра и Двины к Сене, вы показали, что спокойствие Европы не есть чуждое для России дело, и что не смотря ни на какоеразстояние, вы по гласу Отечества и Царя везде, где должно побороть правду. Отпуская теперь вас в любезное Отечество, приятно мне изъявить Вам, сослуживцам моим! благодарность, за усердие ваше и за ту исправность, каковую нашел я при смотре рядов ваших на полях Шампани. Смотри сей, где в глазах Союзных государей и Полководцев их, оспаривали друг друга полки и артиллерия в устройстве, движениях и амуниции, останется навсегда памятником вашим. Благодарю так же вас за сохранение строгой Дисциплины и за доброе поведение в иностранных Землях, которому отдают справедливость сами обыватели.

(154) Да сопутствует вам благословение Предвечного на возвратном шествии вашем. Мощная Десница Его, сохранив от зол войною наносимых, укажет вам ныне путь в недра семейственный. Возчувству-ем благодать Его к себе, помня безпрестанно святой Закон его, и что милосердие Божие везде нам было помощию, ибо всегда возлагали все упование Наше на Него».

Вскоре затем, Армия Российская тронулась, для выступления из Франции. Достоинно примечания, что не смотря на налоги, денежные поборы и поставку съестных припасов, коих неминуемо требовало соединение столь великаго числа войск в одном месте, жители Шампани с некоторым сожалением и даже безпокойством (французам тогда не были еще известны условия, на коих дарован им мир от союзных держав. Они уверены были, что одно только присудс-твие Российской Армии в состоянии защитить их от притеснения прочих союзных войск) смотрели (155) на отбытие армии Монарха, который вел войну с великодушием, честолюбие свое поставлял в том, чтобы повсюду возстановить прежний порядок испровергну-тый революциею, и умел внушить войскам своим дух уверенности и великодушия, столь ознаменовавший действия их во все продолт жение последней войны с французами. Александр, хотел побеждать не столько силою оружия, как благодеяниями, и тем самым приобрел себе безсмертную Славу!

Примеры здесь приведенныя неоспоримо доказывают, что одна храбрость без хорошей дисциплины не может доставить прочных успехов, и что Войски преставшие повиноваться, вскоре побеждены будут.

Потребно много времени для приучения Армии к повиновению; но еще более, чтобы привести ее в совершенство. К тому ж из их опыта известно, что (156) труднее возстановить Дисциплину в войске, однажды свергнувшем иго оной, нежели весть ее в армию вновь составленную. Сколько же побудительных причин, для всех начальников вообще, стараться, чтобы Дисциплина свято была наблюдаема и не потерпела ни малейшаго изменения, поелику следствия от того происходящие столь важны.

ПРИМЕЧАНИЯ

ⁱ Толкаченко А.А., Дисциплина в вооруженных силах // Право в ВС. 2004. № 2

ⁱⁱ РГБ. ОР. Ф. 68 (Генштаб). Оп.1. № М 7399. А.И. Хатов «О воинской дисциплине», 1819г.

ⁱⁱⁱ Устав воинский о должности генералов-фельдмаршалов и всего генералитета и прочих чинов, которые при войске надлежать быть, и оных воинских делах и поведениях, что каждому чинить должно. СПб., 1804.

^{iv} Там же. С, 123.

^v Там же. С. 121.

^{vi} РГБ. ОР. Ф. Полторацких. Д. 51. № 26. Л. 1,6,8,9. Здесь приведены также следующие сочинения и переводы А.И. Хатова: Руководство молодым офицерам к отправлению службы разных родов войск в военное время. В 2 ч. СПб.: Типография Гл. штаба, 1831; Памятная книжка для военных людей. СПб.: Тип. Департамента нар. просвещения, 1818; Общий опыт тактики. В 2 ч. СПб.: Тип. АН и тип. Шкура, 1807-1810; Общие разсуждения о Физической географии Графа Андреосси: Пер. с фр. Б. М.: Тип. Гл. -

штаба, 1822; Бои при редуте Шевардинском. СПб.: Воен. тип., 1838; Турецкий поход русских под предводительством генерала от инфантерии Голенищева-Кутузова в 1811 году с планами сражений. СПб.: Воен. тип., 1840; История похода 1815 года: Соч. Прус, службы майора Фон-Дамица: Пер. с фр. В 2 ч. СПб.: Воен. тип., 1842; Два знаменитые смотра войск во Франции, с двумя планами / Пер. с фр. Д. Бутурлина. СПб.: Воен. тип., 1843; Военная история походов Россиян в 18 столетии. СПб.: Воен. тип. Гл. штаба, с частью Атласа, заключающею в себе 5 планов и карт... а в 4-м атласе карт и планов, к сим походам принадлежащим и сочиненных с великим тщанием г. генерал-майором Хатовым по съемкам, сделанным офицерами Главного Штаба, посланным именно для сей цели на места битв и походов... Книга сия издана с отличным тщанием и даже с великолепием: печать, бумага отличные; планы и карты, выгравированы хорошо и чисто, что свидетельствует об успехах камнетиснения (литографии) в России", 1819. Ч. I; Бутурлин Д. История нашествия Императора Наполеона на Россию в 1812 году. СПб.: Тип. Гл. штаба, 1823.

vii УВС ВС РФ. М., 1993. Ст. 19. С. 14.

viii РГБ. Ф. 68. Оп. 1, № М 7399. С. 69.

ix Там же. С. 22;

x Там же. С. 5

xi ДУ ВС РФ. М., 1993. Ст. 1.

xii Военный словарь/Соч. М.С. Тучкова. М.: Тип. С. Селивановского, 1818. Ч. 1. С. 125.

xiii *Хатов А.И.* Указ. соч. С. 52.

xiv Там же. С. 4.

xv Там же. С. 22,64.

xvi УВС ВС РФ. Ст. 75. С. 24.

xvii *Хатов А.И.* Указ. соч. С. 64.

xviii Там же.

xix Там же. С. 22.

xx УВС ВС РФ. Ст. 30. С. 17.

xxi *Хатов А.И.* Указ. соч. С. 31.

xxii Там же.

xxiii Там же. С. 34.

xxiv УВС ВС РФ. Ст. 80. С. 32.

xxv *Хатов А.И.* Указ. соч. С. 43.

xxvi РГБ. Ф. 68. Оп.1, № М 7140. Руководство чиновникам дивизионного генерал штаба. СПб. (бумага 1809 г.). С. 123.

xxvii *Хатов А.И.* Указ. соч. С. 45.

xxviii Там же. С. 12.

xxix УВС ВС РФ. Ст. 80. С. 32.

xxx Там же. Ст. 81. С. 32.

xxxi Там же. С. 43.

xxxii Там же. С. 45.

xxxiii ДУВС РФ. Ст. 17. С. 204.

xxxiv УВС ВС РФ. Ст. 24. С. 15.

xxxv ДУВС РФ. Ст. 2. С. 199.

xxxvi *Хатов А.И.* Указ. соч. С. 55. ³⁷ УВС ВС РФ. Ст. 75. С. 24

xxxvii Там же. С. 70.

xxxviii Там же. С. 56.

xxxix Там же. С. 57.

xl Там же. С. 48.

xli Там же. С. 57.

xlii Там же. С. 60.

xliiii Там же.

xliv Там же. С. 61.

lv ГИМ. Отд. письм. источников. Ф. 260. Оп.1 Д. 6. Л. 16. Приказ № 556 от 11 октября 1811 г.

lvi *Хатов А.И.* Указ. соч. С. 130.